

Ю. ДЕНИСОВ и А. ИШИМОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА
О ПРОТИВОБОРСТВЕ ДВУХ РАЗВЕДОК
АБВЕРА И СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НКВД СССР

ДЕРЖАЩИЕ СОЛНЦЕ-II

Юрий Денисов

Держащие Солнце. II том

«Автор»

2026

Денисов Ю.

Держащие Солнце. II том / Ю. Денисов — «Автор», 2026

Двухтомник "Держащие Солнце" раскрывает тайны скрытого противоборства спецподразделения НКВД СССР и немецкого "Абвера", начавшееся задолго до первых залпов Великой Отечественной войны. Что скрывали секретные лаборатории Третьего рейха, проводившие чудовищные эксперименты над заключёнными? Какая невидимая нить связывает создание суперсолдат XX века с древней магией Средневековья - от набегов викингов на Францию до тайн Тамерлана? В этой истории мистика и суровая реальность войны 1941-1945 годов сплетаются в единый узел. Тайные заговоры, битвы и рукопашные схватки приведут героев к ошеломляющей развязке - загадочным и леденящим душу событиям в Антарктиде.

© Денисов Ю., 2026

© Автор, 2026

Александр Ишимов, Юрий Денисов

Держащие Солнце. II том

КНИГА ВТОРАЯ «СОПРИКОСНОВЕНИЕ»

... И видел я: и вот бурный ветер шел от севера,
великое облако и клубящийся огонь, и сияние
вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из
середины огня; и из середины его видно было
подобие четырёх животных, — и таков был вид их:
облик их был как у человека...
— ИЕЗЕКИИЛЬ —

Самарканд. 613 год по Хичли, месяц Хаджижа.

Заходящее апельсиновое солнце Востока бросало огненные лучи на башни лазурного дворца Великого Тамерлана. Где на гранитных достарханах лежали восточные фрукты и сладости, а в серебряных чашах сверкая каплями нектара дворцовых садов, казалось, застыли напитки. И лишь в золотых кубках с одной стороны играли лучи уходящего солнца, а с другой мерцание дворцового огня.

Тамерлан ёжась от озноба терзающего его тело, смотрел на огонь в своём дворце. Медленно перебирая пальцами маленький камень, что дал ему "Он".

— Что—же это? Как говорят в Каире камень познания добра или зла", или как называют его Греки "Философский камень". Иль "Он" смеётся и дал булыжник мне с дороги? Тамерлан поднёс камень к глазам своим, словно пытаясь разглядеть его на просвет, сквозь твердь камня рассмотреть языки огня.

Зачем мне знать — всё то, что знают Боги!

И от чего рассвет и почему река!

В дороге жизни не слабели—б ноги

И взор как прежде видел облака!

— Жить, чего ещё желать мне, когда я Тамерлан, весь мир у моих ног! Жить долго, вечно, словно небо с его облаками. Наслаждаясь тем, что хранят стены дворца выстроенного лучшими мастерами Хорезма в мою честь! Он наклонил голову подперев её могучей ладонью.

— Злоба! Словно змея проникает в сердце моё, словно острыми зубами впиваясь в мою плоть! И имя этого гада ползающего словно кобра в песках Хорезма Тахтамышь! А мне ли думать о нём? Мне ли? О, тяжесть тела!

Он стал растирать давнюю рану на бедре, мучившую его столько лет, но сердце наполняла злоба, словно уравновешивая чашу весов.

Через три дня к нему, словно стрела выпущенная из тугого лука, влетел Али абу Бакар!

— Как смеешь ты! воскликнул в душе своей Тамерлан.

— Ты сожрал камень! вскричал Бакар.

Он не приветствовал Тамерлана, о нет! Он дико вопреки величия Тамерлана, воскричал:

— Ты словно змей проглотил его! негодовал Али абу Бакар.

Тамерлан молчал.

— Ужели "Он" гладил твой — затылок!!? взревел Бакар ещё сильнее, словно пытался разрушить своим голосом стены огромного дворца!

Но Тамерлан молчал в ответ.

— Нет знаний в этом камне, нет молодости и жизни, есть зло! А ты от ныне хранитель зла! Ты печать зла! Ты — зло Тамерлан! Я много раз говорил тебе, что зло будет запечатано на тысячу лет, затем вернётся на волю, изливая на землю потоки серы, огня стальная саранча пожрёт плоть ещё живых, и не родившихся детей, стучащими своими сердцами в чреве матерей!

— Тысячу лет! задумчиво ответил Тамерлан

— Но дням отсчёт, вести позволь уж мне! И греки исчисленьем ошибались, но смысл, о, Всевышний! Смысл остаётся! ревел Абу Бакар.

— Что мне до вечности! горько вздохнув, ответил Тамерлан

— О, Боже! Ты печать! Отныне ты и есть... Абу Бакар схватив голову двумя руками рухнул на пол дворца.

— Послушай, звездочёт! Коль так умён ты, то вопрошай у звёзд своих, во чреве камень или в голове? И жив останешься коль правдой, воздух сотрясёшь! сверкнув глазами произнёс Тамерлан.

— Правду?? Лежа на полу, вдруг произнёс Абу Бакар. Ты хочешь слышать правду??? Ну, хорошо же! Пусть уши твои наслаждаются ею! Звонко чеканя каждый слог произнёс Абу Бакар, всё ещё лёжа на полу. — Ты горы черепов людских, бросал себе под ноги, для устрашения вставал на страшный пьедестал, так изливал свой гнев на стены Бухары! Ты кольями украсил дол Афганистана, без жалости народ на колья насадив! Иль помнишь, убивал своих же воев, что в чрево расporов, в ещё трепещущих кишках согреть хладеющую ногу, смотря при этом на тела танцовщиц! Ты более народа погубил, чем мор чумы! Чем саранча зерна сжирает! О, если кровь, пролитую тобой, как реки пропустить через барханы государства!! Кровавым яблоки налились соком! Вот мой ответ, что сердце заполняет! Вскричал Абу Бакар.

— В желудке? Или голове? До завтрашней молитвы ты ответ мне дашь! Шепнул, сверкнув глазами Тамерлан.

— О, Боже! Он печать зла! Уходя, шептал Али Абу Бакар.

1941г, 13 мая, ПОЕЗД „Москва — Самарканд“

Профессор Ивницкий проснулся в трясущемся вагоне купе.

— Покурить надо! сам себе сказал он, выйдя в тамбур, разглядывая через мутное стекло, унылый пейзаж жёлто—серых песков Казахстана.

— Не спится? услышал он женский голос

— Нина Петровна? Вы? ответил он поворачивая голову, и без предисловия произнёс — Печать!

— Снова Вы о том! затягиваясь дымом ответила она. Мы же с вами дорогой товарищ Ивницкий, всё—таки материалисты! после небольшой паузы добавила Нина Петровна. Ивницкий смерил её взглядом.

— Да? А что—же мы тогда ищем уважаемая Нина Петровна? спросил он.

Она в ответ промолчала, и выдержав довольно внушительную паузу произнесла — Тысячу лет! но не как не пятьсот! Это вы имеете в виду?

— Но через три дня, написано что Христос вернуться должен, а по нашему только полтора суток! шепнул он.

— Но товарищ Ивницкий! во—первых Иоан писал о времени, которое сам и исчислял, то есть он был современник собственной книги! цинично улыбаясь ответила Нина Петровна.

— Да! но не забывайте „где“ он это написал! и главное кому! вскричал повыся голос Ивницкий. Кто имеет разум пусть сочтёт! Или не помните? Нина Петровна! добавил он.

— Прекратите! в конце концов товарищ Ивницкий! что за тон? что вы боитесь стальной саранчи? или может быть видели её где—нибудь в природе? зло шептала она.

— Ох, чует моё сердце что увижу! произнёс он.

Нина Петровна повернула к нему голову, зло сверкнув глазами затушила папиросу и резко рванув дверь вышла прочь.

— Послушай Ивницкий! шепнул он сам себе. Да ты боишься ареста в случай неудачи! Вот и всё! Трус! Выдумывающий разные небылицы, от страха! Трус! шептал себе Ивницкий уже туша папиросу.

Самарканд 613г. по Хичли, дворец Тамерлана

— Всё мучают сомнения тебя? Шептал ему Старец, двумя руками массируя затылок Тамерлана.

— Звездочёт не отгадал, иль звёзды подвели, теперь смердит он повешенный наверху, под куполом своей обсерватории! Пронеслось в голове Тимура.

— О, нет, не о том скорбишь ты! снова шепнул ему старец. Всё собираешься жить вечно? усмехнулся он. Однако даже я не вечен в этом теле! потом тяжело вздохнув, добавил. Да и в ином не больше! А ты о вечности терзаешься, о повелитель! произнёс старец. Ты миссию в себе великую несёшь, и, может быть, своё ты имя ей увековечишь!

— Лишь имя? горько вздохнул Тамерлан.

— А разве мало? Моё вот, например укроет вечность! тихо, равнодушным голосом продолжая пальцами рук массировать затылок Тамерлана, ответил старец. Ты любишь наслаждение больше жизни, вот от того и грезишь раем! Не так—ли Тамерлан? прямо в самое ухо шептал ему старец. И много грешников лежащих на шелках подушек, лишь дань молитве отдают, в надежде далее плодами наслаждаться, а между тем...

— Ты лжёшь старик, я искренне молюсь! зло шипел Тамерлан.

Старец в ответ улыбнулся. — Ты то планеты вопрошаешь, то Бога высшего зовёшь! Не так ли о, воитель!?

— Довольно мне! Тамерлан встал, тем самым прекратив занятие старца. — Ступай прочь! вскрикнул он, но обернувшись старца не увидел. — О, Всемогуций! Словно лис хитёр был звездочёт! взревел Тамерлан. — Он что—то выдумал, пред смертью это точно, иль записал! Записал! Но где? На чём? И кто хранит сей свиток? невольная догадка озарила его мозг словно молния. — Эй стража! вскричал он. — Всех кто счёл звёзды, вместе с Абу Бакаром, пытать нещадно, свитки все сюда! И тайну что хранят, и что хранили тайно, до малого сюда! ревел Тамерлан.

Стражник поклонился, скользнув за спиной Тамерлана словно тень.

— Скакун горячий, в степь унёс подростка! Иные свитки здесь! О повелитель! кланяясь до самого пола, не смея поднять глаза на Тамерлана, ночью произнёс стражник.

— Покроет степь крик всадников моих, что в след пошлю я! крикнул Тамерлан. — Под каждый камень пусть они заглянут, без свитка нет дороги им назад! кричал Тамерлан, надрывая голос, едва превозмогая боль в груди, сжавшую рёбра словно стальной обруч.

Самарканд. 1941г. Мавзолей Тамерлана, 1 июня.

Утром в восемь ноль-ноль, экспедиция занялась установкой аппаратуры, осветительных приборов, протяжкой кабелей, установкой подъемников мраморной плиты гробницы Тамерлана. Обычно это занимало часа четыре, максимум шесть часов. Но сегодня случилось неожиданное, кто-то перепутал ящики, кто-то растерял инструменты, и даже вечно собранная и организованная Нина Петровна, бесконечно рылась в своих бумагах, на удивление тонюсенькой папочки! В двенадцать ноль-ноль, ничего ни малейшего, как говорится винтика, вкручено не было! Да еще мытарства неразберихи экспедиции умножили внезапно отказавшие аккумуляторы.

— Черт тебе что! — буквально ревела Нина Петровна. — Все из рук валится, и это называется работа! — неистовствовала она.

— Перепад! — произнес Ивницкий.

— Что? — переспросила Нина Петровна, искажая лицо в недоумении.

— Я говорю — «перепад», — это когда снаружи +41°C, а тут не более +18°C, вот вам и причина, Нина Петровна! — подытожил Ивницкий.

Та в ответ покачала головой: — Пять листов, и я их читаю тысячу раз, ничего понять не могу! Оступение какое-то! — зло шептала она.

Решено было продолжить через четыре часа, дабы либо подзарядить, либо сменить аккумуляторы. Однако странности со «светом» не прекратились, тяжелые аккумуляторы погрузили на старенькую арбу и повезли на местную станцию, но неожиданно ось арбы лопнула, и в довершение ко всему, и возникший, и электрик упав с арбы сильно пострадали от заваливших их тяжелых приборов.

— Нет, ну это немыслимо! Сломать ногу от удара аккумуляторов! — ревела раскрасневшаяся Нина Петровна.

— Немыслимо! Нонсенс! — шептала она. — Это анекдот!

— «Током» прибило! — иронично шептала она.

— Точнее током ногу сломало! — улыбнулся Ивницкий.

Работу прекратили до следующего утра.

— Нет кабеля! — отрапортовал завхоз экспедиции профессору Ивницкому.

— Что?? — возмутился тот. — Как это нет кабеля? Это что же, местная энергосеть саботирует задание Москвы? — неожиданно для себя вдруг выкрикнул последнюю фразу ставший неимоверно бдительный профессор. — Сейчас восемь тридцать утра, а у нас, как говорится, «воз и ныне там»!! — зло шипел профессор.

В четырнадцать ноль-ноль, после долгих переговоров и угроз с местными партийными органами, кабель был доставлен.

— Мистика какая-то! Метра не хватает! — вытирая пот, шептал завхоз, все время вытирая затылок насквозь промокшим платком.

...—Огонь, бежавший по чреву чёрной скользкой змеи, не мог коснуться стоп Тамерлана, ибо не было у посланцев Шайтана, столько змей чтобы светом ударить прах воителя!" прозвучал голос в гробнице.

— Вы что с ума сошли! взревела словно сирена Нина Петровна, уставив взгляд на Ивницкого.

— Отнюдь Нина Петровна, отнюдь, я просто озвучил последние записи Али Абу Бакара! Кстати пятисотлетней давности, дорогая моя зав кафедрой востоковедения! добавил Ивницкий.

Нина Петровна в сердцах плюнула на пол и вышла на воздух.

— "Но мерзость чрева своего они не смогут извергнуть на могилу Тамерлана, ибо язвами плевков покроют друг друга в неистовстве своём!" снова процитировал Ивницкий.

А в это самое время завхоз стоявший на коленях возле едва скрученного кабеля, поднял голову на Ивницкого, ведь слюна не упала на пол, а попала ему, конечно совершенно случайно, на кисть руки, он поднял голову хотел что-то сказать, но тут оголённый кабель вдруг - заискрился выпустив из себя дугу! А-а-а! взревел словно раненный зверь завхоз, тряся обожженной рукой в воздухе. - А, чёрт! и огромный волдырь от ожога выступил на почерневшем пятне кисти руки. Работу решили отложить на несколько дней...

— Москва торопит! Нина Петровна! шестого июня произнёс за завтраком в столовой гостиницы профессор Ивницкий.

— Понимаю! тихо ответила она, прикуривая папиросу.

— Давайте хотя бы завтра, что ли! как-то неуверенно произнёс Ивницкий.

—Никаких завтра! Сегодня! Теперь! Немедленно товарищ Ивницкий! энергично поднявшись произнесла Нина Петровна гася папиросу в чистой тарелке. Идёмте! попытожила она...

Как ни странно, но осветительная и прочая аппаратура работала идеально, картину испортил истошный визг Нины Петровны от пробежавшей возле её ног мыши.

— "Боятся твари едва зримой, а тут "печать" сорвать хотят!" снова в слух произнёс Ивницкий.

— Послушайте товарищ Ивницкий, вы уймётесь со своим Бакаром наконец! зло заговорила сконфуженная Нина Петровна.

Профессор сделал в воздухе примирительный жест руками, и тихо добавил - "Лишь гнев тирана, глас владыки, их примирить способен вновь!" и сам того, не осознавая машинально нащупал в кармане рубахи, телеграмму из Москвы, под грифом "Срочно. Секретно".

Мраморная плита "сопротивлялась" невероятному напору "талей" подъёмников.

— Осторожно! Осторожно! Чёрт возьми! Лопнет же! шептала Нина Петровна.

Однако опасения её были не напрасны. Лопнула, издав звон цепь подъёмника.

— Вот чёрт! До чего же отшлифована плита! Словно клещами вцепилась в края мраморной могилы! — произнёс Ивницкий.

Немного посоветовавшись между собой решили, сдвинуть крышку в бок, слегка приоткрыв завесу тайны, гроба. И снова удивлению группы не было предела, словно смазанная невидимым и неосязаемым жиром крышка, точнее мраморная плита, сдвинулась в бок без особых усилий. Все машинально одели ватно-марлевые повязки на лицо, опасаясь невероятной вони.

— Себя измерив с Тамерланом, они свой смрад, ловили-бы ноздрями! Но, может ли смердеть Великий, чья длань на мир земной легла, и вперив взоры удивленья, они читают то, чего исполнить им не в силах! — шептал Ивницкий.

— Я не поняла чего исполнить нам не в силах? И почему нет смрада непонятно? И где чёрт возьми читать? — кричала она, срывая с лица маску.

Плиту сдвинули дальше, затем ещё и ещё! И! Невероятно! Под крышкой была огромная медная плита, несколько позеленевшая от времени по своей поверхности вся исписанная и испещрённая какими-то надписями на непонятном на первый взгляд языке.

— Но чёрт возьми! — воскликнул профессор, — откуда всё это знал Али Абу Бакар? Его-то казнили намного раньше, чем умер Тамерлан!

— Опять вы со своим Абу Бакаром лезете! — зло восклицала Нина Петровна, однако посмотрев на часы, сделала жест рабочим. — Стоп! На сегодня всё! — выдохнула она...

10 июня, 1941 г. Самарканд. Гостиница экспедиции.

— Ну получается? — просила заглядывая через плечо, на рукописи Ивницкого, Нина Петровна.

— Да вроде! — ответил тот.

— Вот эту строку? — указала она пальцем на точную копию надписей сделанных с медной плиты гробницы.

— О, вы, ничтожные рабы, безумного тирана, уж лучше смерть для вас, чем прикоснуться к меди сей несущую печать! — произнёс профессор Ивницкий.

— У меня тоже самое профессор, только последнее — закрывшую печать! Или точнее „притворившую печать“, в смысле как у евреев, камень притворивший могилу, помните?

— Ещё бы уважаемая Нина Петровна! — ответил Ивницкий.

— А вот эта строчка? — и снова её палец скользнул по копии надписей с плиты.

— И будет то, о чём глаголил вам пророк, чью книгу вы смеясь отвергли, презрев на кару саранчи...

— А у меня... возрев на кару саранчи стальной!... — прошептала Нина Петровна, держа в руке лист исписанной бумаги, поправляя очки.

— И у меня „стальной“ я не успел сказать, вы меня опередили Нина Петровна.

— Танки! Профессор вздрогнул, я говорю танки! Вновь произнесла Нина Петровна.

— Но плиту поднять придется! И после небольшой паузы добавил. — Я уже телеграфировал. Ему! Профессор обернулся, встретился с Ниной Петровной взглядом, и тотчас опустил глаза.

Прогуливаясь по окрестностям Самарканда, вечером 21 июля, Ивницкий обращал внимание на трех мужчин, мирно беседующих на лавочке у ветхого, похоже глиняного строения, на окраине города. Они привлекли его внимание странной одеждой, похожей на истёртый халат

местного мулы. Подойдя поближе, он обратил внимание на то, что они были в годах, хотя живо и энергично о чем-то спорили, не подобающе жестикулируя своему возрасту. Ивницкий подошел к ним.

— Здравствуйте уважаемые! — произнёс он.

— Разве мы для тебя уважаемые? — услышал он в ответ. Вы слуги Шайтана, оскверняете наши мечети, роетесь своими грязными руками там, где положено молиться, плюёте на нашу веру! и после этого твой язык произносит слово — уважаемые?

— Но я...! — начал было Ивницкий.

— Мы знаем кто ты, и что волей руки твоей, управляет Шайтан! А ты всего лишь червь у его сапог! — Читай! без всякого пояснения произнёс старец, развернув книгу лежавшую у него на коленях к Ивницкому.

Незнакомый текст вдруг обрёл смысл в голове профессора.

— И руки недостойных сожмут главу воителя, но очи их не смогут насладиться видением того, что сжали руки их, как глас змеи воскликнет — Смерть? Огонь? Война? — И крылья коршунов стальных, уронят на их головы стальные перья смерти. Ивницкий оторопел от прочитанного. И словно побитая собака пошел прочь, всю ночь мучаясь вопросом, - откуда черт возьмёт, они узнали кто я!? Не может быть! Не может! Ведь секретно же!

22 июня, 7:00 утра

Медная плита, как последняя преграда к Тамерлану, наконец-то поддалась, но тут упали осветительные лампы, кто-то попятился назад, и нечаянно задел кабель. Вспыхнул резервный свет аккумуляторов.

— Вот он! — прошептал Ивницкийи обеими руками взял череп Тамерлана, и тут двери гробницы с шумом распахнулись, на пороге держа в руке правительственную телеграмму, в блестящей от обилия пришитого на материю бисера кофточке, ворвалась в буквальный смысле Нина Петровна, и громовым голосом произнесла:

— Война товарищи! Немцы бомбят наши города!

Ивницкий тихо положил череп воителя обратно в могилу, и видя блестящую бисером кофточку Нины Петровны шепнул.

— Чешуя! Слово кожа змеи! И склонив голову над чёрной открытой могилой Тамерлана беззвучно заплакал.

1941 г. Белоруссия, 21 июня.

— Станный сон! Округляя сонные широко раскрытые от удивления глаза, тёр руками Костя Хрипой. — Приснится же такое! Шептал он, потянувшись к папиросе.

— Ты чего Хрипой? переспросил его Дёма, закадычный дружок, ещё с красноярского лагеря. — Ни как волю увидел?

— Да уж ты ляпнешь вою! мне-ж десятку, тянуть! Иль не в куре? Недовольно стряхивая пепел папиросы на пол, злился Костя.

Ему действительно приснился очень странный сон. Он, Костя бежал от страха, высоко парящего в небе орла. Тот, роняя перья разил ими всех бежавших рядом с Костей совершенно не знакомых людей, те падали, разорванные в клочья разящими перьями гигантской птицы.

Кровь, пожары, крики ужаса раненных кругом людей, женщин, детей! Но вдруг птица стала кружить всё ниже и ниже над головой Кости, и о, Боже! Из её чрева посыпались маленькие катышки чёрных перьев, но Костя явно видел, что, падая всё ниже и ниже на землю, они разворачивались сами собой, увеличиваясь и увеличиваясь в размере, и у самой земли превращались в огромных чёрных воронов, с огненно-горящими жёлтыми глазами, словно у таёжных, голодных волков, что воют от голода в пургу. Они сели словно в ряд на землю и с высоты своего неимоверного высокого роста, чуть кивая головами, широко разбрасывая крылья, стали клевать бегущих от ужаса людей, точно в голову, глотая их словно живое, шевелящееся, кричащее от ужаса и боли зерно. Неимоверно, немыслимо, но они были ненасытны. Костя не мог бежать, его ноги словно приросли к дороге, тело не слушалось его. И вороны видели его беспомощность, но и Костя, взглянув на свои ноги, увидел — да это же лапы ворона! И руки! Нет, это не пальцы, а чёрные крылья, послушно развевающиеся по его желанию, словно пальцы рук. Огромный ворон обнял его своим крылом словно птенчика взрослая птица. Косте стало тепло и немного приятно — эти объятия! — Ешь! Ешь! Тебе, не в первой, тебе понравится! говорил Косте огромный ворон, указывая горящим взглядом на бегущих людей. Костя, повинаясь ворону, стал грызть словно волк зубами человеческую плоть. Кровь заливала его руки — перья, но он грыз человеческую плоть, боясь гнева гигантского ворона.

— Ты свободен Костя, свободен! Лети куда хочешь, только не тревожь мать! Слышишь Костя? кричал ему ворон. — Ты свободен! Свободен! Лети!...

— Нет, ну приснится-же такое! Костя отхлебнул из кружки протянутой ему Дёмой „чифир“

— Что лихое? морщась, шепнул ему Дёма

— Сам не пойму! Не пойму!

— Жара, мать её! Дёма кинул взгляд на зарешетчатое стальными прутьями окно камеры. — Мозги-то кипят! Костян! Братка держись! Подбодрил он Хрипого.

Весь день 21 июня Костя был сам не свой, этот тяжелый ночной кошмар, никак не выходил из его головы. Костя поймал сам себя на мысли, что он боится спать! Впечатления полученные Хрипым от ночных видений, буквально жгли его душу, вонзаясь в сердце стальной иглой - Почему это мать не тревожь? произносил он в слух несколько раз. А зачерпнув ковш воды из стоящего в камере чана с надписью "кипяток" Костя по долгу стоял в нерешительности задумчиво глядя на воду, и вдруг произносил - "Почему ворон-то?" Однако к вечеру 21 июня, Костя что говорится "отошёл", повеселел, спирт из заначки достали. Дёма конечно свою долю Хрипому подлил, а остальные прочие "Пусть воду пьют!" урезонил их Дёма, показывая увесистый кулак...

— Ну что же граждане заключённые и угнетённые, кто хочет сладко пить и есть, того прошу напротив сесть! Зычно крикнул Дёма, теребя ловкими пальцами колоду самодельных карт. - Хрипой?! Покатаем фраеров ужасных! подмигнул он Косте. Спирт слегка разведённый водой, мягким жжением разлился по телу Хрипого

— Хорошо! выдохнул он, закуривая папиросу и подмигнул Дёме, мол давай поехали!

Игра затянула Хрипого, карта, розданная ловкой рукой Дёмы словно вдвухала в измученное за целый день от волнения сердце Кости, радостную эйфорию азарта. Вдруг часа через два игры, Костя услышал где-то там в дали за решетками окон гром. - Во! Может дождик охладит жару-то! подняв палец кверху, произнёс Костя, и неожиданно подбежал к окну, ожидая капли, первые капли летнего ливня.

— Да это не гром! взвизгнул кто-то.

Костя обернулся - Эй ты рожа шпионская! Цыц у меня! крикнул он на сидевшего измученного зека, бывшего ком.кора. - Не гром, не гром, а что же, по-твоему, а?..

Штауберг был человек мягкий, податливый, как глина, видимо крестьянское воспитание Северной Силезии, наложило свой отпечаток на его характер, а уж если касалось, что-нибудь Греты, о! Штауберг был готов для неё на всё, наверное это было больше её желание, выйти из круга бедности. И Штауберг вступил в ряды Н.С.Д.А.П. Форма чернорубашечника была ему к лицу.

Штауберг был невероятно силен, его могучую фигуру ладно обтягивал мундир. Гретта гордилась им. Штауберг стал приносить домой продукты, вещи, а порой и деньги, доставшиеся ему после «погромов». Друзья по партии уважали Штауберга за незлобный характер, за отсутствие всяческих интриг, и за надёжность! Однажды когда их, троих боевиков Н.С.Д.А.П., окружила толпа «красных дружин» из Тельмановской пехоты, Штауберг спас положение! Он ударами своих могучих крестьянских кулаков, крошил челюсти и головы «красных» на лево и на право, и им удалось вырваться из лап неминуемой «гибели».

— Штауберг! Дружище! У вас будет особое задание на двадцать второе июня!

— Слушаюсь господин штурмбанфюрер!

— Подойдите к карте! командовал Шнидке — Вот в этом квадрате, в тылу у русских, нас интересует вот этот объект! Вам дорогой Штауберг придётся со своими десантниками удерживать этот объект любой ценой! Слышите Штауберг — любой ценой, до подхода основных сил! Операция санкционирована главным управлением «Абвера». В этой папке детали предстоящей операции, внимательно изучите её Штауберг! И в случае...! Впрочем всё в этой папке, Штауберг!

— Хайль Гитлер! вскинув руку прокричал Штауберг.

— Хайль! произнёс в ответ Шнидке.

Моторы огромного десантного «Хенкеля» рвали тишину предрассветного неба, Штауберг внимательно рассматривал лица своих солдат, — Нет, в них нет ни паники, ни страха, ни малейшей тени неуверенности в предстоящем бою! — Победа! И только победа! носилось в душе Штауберга под рёв моторов самолёта...

Купол парашюта при приземлении, слегка поволок Штауберга, но он живо справился с ним.

— Ганс! Уве! Фриц! кричал он. Построится, рассредоточиться — живо, живо!

Ещё в воздухе, кружась в куполе парашюта Штауберг, видел всполохи боёв идущих то слева, то справа от точки десантирования. Он понимал, что войска фон Бока, ведут бои по всей линии фронта этого направления группы армий «Центр».

— Ганс! Вышки! скомандовал он.

— Есть! ответил тот.

— Фриц! Охрана! жестко прокричал Штауберг.

— Есть! ответил Фриц.

— Вперёд! грозно приказал Штауберг.

Вышки оцепления спец. объекта отмеченного на карте, как 25/11, в мгновение ока, как на полигоне учебного центра в Мюнхене окружили по одному автоматчику, чётко расположившись в соответствии с планом штурма. Ступеньки из человеческих тел расположились около огромных высоких ворот объекта.

— Штурм! и зелёная ракета взмыла в предрассветное небо.

— Ту, ту, ту! ударили автоматные очереди по всему периметру объекта, по охране стоявшей на вышках охраны зоны. А в это самое время быстрые тени подобно кошкам бежали по „ступенькам“ штурмующих ворота объекта и прыгая туда за ворота в темноту зоны, стреляя на лету. Мгновение ока и ворота скрипя и звеня стальными цепями и механизмами распахнулись настежь, и тот час основная масса десантников лавиной, держа автоматы на изготовку рванула на территорию объекта, причём каждое отделение к своему заранее оговорённому квадрату.

— Вот щенок! пронеслось в голове Штауберга, когда молоденький боец из роты охраны зоны, спросонья дрожа от страха, пальцами дёргал затвор винтовки. — Ну и долго я буду ждать? с улыбкой думал Штауберг, видя беспомощность противника, — Ну загоняй же патрон! Молодец! Вогнал!? Теперь держи! Я давал тебе шанс! Ту, ту, ту! короткая очередь из М.П.-40 ударила свинцом точно в лицо бойца, совсем ещё юного бойца Н.К.В.Д. охраны лагерей.

Штауберг кругом слышал стрельбу, но звук выстрела знакомого М.П., коротко, чётко, как на учениях. — Слева! вдруг громкий окрик раздался в спину Штауберга, он резко обернулся. На него, слева с лопатой в руке, по пояс голый мчался часовой объекта — Ха! выкрикнул он и рубанул лопатой Штауберга. Штауберг перехватил лопату в том месте, где руки часового держали черенок лопаты. Падение на спину с упором стопы в живот противника...

— Хэ! и часовой „взрыв“ в небо ногами обутыми в тяжёлые кирзовые сапоги ударился голой спиной плашмя о землю. Штауберг не спешил, он сделав кувырок уже стоял на ногах, правой рукой делая жест часовому

— Поднимайся! Ком! Ком!

Но тот видимо оценив ту ситуацию в какой он оказался, силу и мощь противника, автомат висевший у него на груди, встав на колени стал умолять Штауберга о пощаде пытаясь поймать его ноги.

— Свинья! Дерьмо, а не солдат! Штауберг оттолкнул его десантным ботинком и нажал на спуск своего М.П.-40, короткая очередь ударила в голую грудь часового...

Бывалов спал в своём кабинете, развалившись всем телом в огромном кожаном кресле, оставшееся тут ещё от прежнего руководства.

— О! до чего же это был сладкий сон! На столе стояла пустая бутылка коньяка, рядом с ней на тарелочке кусочек тонко нарезанного лимона, шоколад. Ему снился дивный сон, что он плывёт с Зоей из сан. части, в лодке, вода прозрачная, чистая, и в ней этой воде плавают удивительной красоты красные рыбки с огромным вуалеподобным почти прозрачным хвостиком.

ком, а Зоя смеясь всё время тербит ровную гладь синеватой воды, он пристально смотрит на её круглые ровные колени, но гребёт не он, нет, кто-то там за его спиной. Где-то высоко в небе ударил гром, но он не мог нарушить этой идиллии, как вдруг сидевший за его спиной, на вёслах, как заорёт:

— Встать свинья! — с невероятным шумом и треском ломавшегося дерева.

Бывалов открыл глаза. — Ты кто? — округляя глаза, произнёс Бывалов, видя перед собой фигуру в комбинезоне с автоматом на груди. Закрытая на ключ дверь еле-еле держалась на одной петле, грозя вот-вот рухнуть на пол.

— Встал свинья, живо! — орал незнакомец на ломаном русском языке.

Бывалов вскочил, застёгивая ворот форменной гимнастёрки.

— Вот этот список, бывшие генералы, ком.дивы, ком.коры! Где они? Быстро, сволочь! — ревел незнакомец, положив на стол лист бумаги, тыча в неё пальцем, в чёрной кожаной перчатке.

— Как где? — удивился Бывалов, пробегая длинный список глазами. — В спец. отряде! На третьем этаже!

— Отлично! — произнёс незнакомец. — Уве! — крикнул он, не оборачиваясь. — Бери эту свинью и расставь своих людей на этажах!

— Есть! — отозвался голос из-за могучей спины незнакомца.

Штауберг расположился в кабинете Бывалого.

— Фриц! Радируйте в центр, объект захвачен, потерь нет! Ждём!

— Господин штурмбанфюрер! Шульц вывихнул ногу при штурме ворот!

— Пустяки! — отозвался Штауберг. — Далее! — произнёс он. — Тюк! Где чёрт возьми этот Тюк? Фриц!

— Но господин Штауберг, всё на месте!

— Отлично, Фриц! Действуйте! — скомандовал он.

Фриц шёл по этажам, заходя в камеры, отмеченные по списку.

— Так, номер сто двадцать три, великолепно! — шептал он.

Ганс! Ганс тотчас отворил дверь стальным ключом.

— Господа заключённые! — произнёс с пафосом Фриц. — Войска Великой Германии освобождают вас от коммунистического рабства! Поздравляю вас, господа!

Ошалелые после ночных событий эки встали со своих мест, широко раскрыв от удивления глаза.

— Кто хочет служить Великой Германии, прошу вас выйти из камеры! — с улыбкой продолжил Фриц. — Не надо бояться! В знак хорошего к вам отношения, от лица немецкого военного командования, я даю вам этот подарок! Подумайте хорошо, хорошо!

— Ганс! — прокричал Фриц. — Давай!

И Ганс за шиворот втащил в камеру Бывалого.

— До вечера, господа! — развернувшись, немцы удалились, заперев дверь камеры, оставив Бывалова наедине с обитателями камеры.

— Вот это да! Костя Хрипой медленно вылез из своего угла, обвешанного простынями. — Ша сявки! Все назад! О, начальник, ну гребь сюда, базар к тебе есть! — зыкнул Хрипой, плюнув сквозь зубы на пол. — Ну, Бывалов, что ты думаешь за этот цирк? — шепнул ему Костя. — Да не трясись ты, тебя никто не тронет! Я сказал! — и, подмигнув, толкнул его локтем в бок.

— Костя! «Я ни черта не понимаю!» — прошептал в ответ тот.

— Хорошо! Будем понимать вместе, время до вечера есть. Дёма! Спирт давай!

— Момент, Хрипой! — отозвался тот...

Вечером под шум ворочающегося в замке ключа распахнулась дверь, на пороге стоял Фриц. Хрипой, медленно, не теряя достоинства, сунув руки в карманы брюк, подошёл к Фрицу.

— Веди к начальству!

— О, отлично! — улыбнулся Фриц.

Хрипой шёл по знакомому ему коридору, он заметил, что некоторые ключники ещё из «наших», хотя тоже мне «наши», — подумал Костя. — Ну да, ну да! — пронеслось у него в голове. — Быстренько цвет сменили, а душу не заменишь!..

— Господин Штауберг! — представил Хрипому своего начальника Фриц...

После длительного разговора с Костей Хрипым, Штауберг связался со ставкой «Абвера».

— Я не тюремщик! Слышите, Шнидке! Не тюремщик! И вообще я подчиняюсь управлению воздушного флота, а это Геринг! Ясно вам, Шнидке?! — Слушаюсь! — Да на время операции! Есть! Хайль Гитлер! — и Штауберг бросил трубку. — Чёрт знает что! — негодовал он.

...— О, наконец-то, господин Дитрих! — Штауберг вышел из-за стола своего кабинета. — Если бы вы знали, как я вас ждал! — и, широко улыбаясь, Штауберг протянул Дитриху руку.

— Соскучились по настоящей работе? Не так ли, Штауберг? — улыбнулся ему в ответ на приветствие Дитрих.

— О, дорогой мой! Я солдат! Я не могу разобраться в этом дерьме! Я не...

— Вот как, Штауберг? А я значит плохой солдат, и мне поручили, как вы говорите, «дерьмо»?

— Да что вы такое говорите, Дитрих?! — искренне удивился Штауберг.

— Шучу, шучу, дружище Штауберг! Я думаю, что денька через три, четыре вы вновь будете сыпаться на головы наших врагов, сокрушая их сопротивление, Штауберг! — улыбнулся Дитрих. — А сейчас нам всё равно придётся заниматься русскими генералами и военачальниками — конечно, они бывшие, но информации они могут владеть весьма важной...

По прошествии времени;

— Входите, входите! Я жду вас! Господин? тут Дитрих сделал небольшую паузу

— Костя! Костя Хрипой! представился Дитриху Костя

— Ну хорошо! Пусть будет так! улыбнулся Дитрих.

— Вы знаете, мы очень довольны вашей работой, дорогой Костя! улыбнулся вновь Дитрих. — Это что же, талант? Или вы тоже? Как это у вас русских? Эм... из бывших? произнёс Дитрих.

— Вы знаете господин Дитрих, в данном случае это имеет двоякий смысл! ответил Костя

— Да? Не понимаю! переспросил Дитрих

— Так вот ни в партии Ленина, ни в рядах Н.К.В.Д., ни членом Р.К.К.А я не был, если я вас правильно понял господин Дитрих! подвёл черту в несколько двусмысленном диалоге Костя.

— Вот как? А откуда же такие с позволения сказать, навыки? работы по вербовке кадров?!! не скрывая сарказма, произнёс Дитрих.

— О, господин Дитрих! Это длинная история! шепнул Костя

— Ничего дорогой мой! У меня время есть, я выслушаю вас...

— Стоп! Стоп! Подождите! Дитрих с горящими от любопытства глазами остановил Костю. — А вот Бывалов, он где теперь? переспросил Дитрих с надеждой в голосе.

— Тут же! В моей камере! Где же ему быть?!

— Так, значит вы выполняя задание Г.П.У., гнали людей, как скот, на бойню, тренируя или скажем точно отрабатывая навыки сотрудников Г.П.У. на живых людях? И этот самый Бывалов сейчас тут, и он знает естественно больше вас! Подытожил Дитрих.

Костя поморщился.

— О, не надо так реагировать дорогой друг! Мне немцу тяжело подбирать русские слова и интонации! слукавил Дитрих. — Интересно! Очень интересно! шепнул Дитрих. — Ну а скажите мне Костя, имена, фамилии — ваших жертв, вкрадчиво произнёс он.

— Кого помню, кого нет, но думаю если вам это интересно, можно по вспоминать.

— Боже мой! А вы знаете Костя! Скажу вам честно, что я с великой неохотой приехал сюда, но поговорив с вами, я просто удивлён, как порой переплетаются судьбы людей, и та информация, что я получил общаясь с вами, для меня имеет очень большой интерес, очень! загадочно прошептал Дитрих. — Ну хорошо, на сегодня достаточно!

1941г. Семилетко. Последствия.

Семилетко проснулся в холодном поту.

— Господь помилуй! Взмолился он спросонья. — Нет более мочи! Выл он крутя головой. Этапы, допросы, конвой, снились ему каждую ночь подряд. Он бросил взгляд на охотничье ружьё, висевшее на стене. — В лес! Не могу больше ждать! Пора мне!

За бесконечно долго тянувшиеся часы и дни ожидания ареста, Семилетко не только собрал «вещички», но и присмотрел себе заимку глубоко в лесу, меж двух болот к ней вела тайная тропа, какую знал теперь лишь он — Семилетко. Ещё в далёком 1930г, в свою бытность активистом когда кулацкие семьи, что говорится «пачками» отправляли в Сибирь матушку, выпытал он у старенького лесничего, что служил ещё егерем у местного помещика, про эту заимку — „Ты Пантелей Макарыч, либо внушек своих в город на потеху комиссару отправишь, либо скажешь, скажешь мне, как на духу, где та заимка, куда ты в девятнадцатом годе добро барское попрятал — сыч старый! Шипел ему прямо в заплаканное от страха и побоев лицо старика, Семилетко. Пожалел старый егерь своих сродственников, да и выдал тайну заимки грозному тогда, славящемуся на всю округу активисту — Злыдню Семилетко.

Вот туда-то и стаскивал нет-нет, свои пожитки нажитые нелёгким кулацким трудом, активист Семилетко.

— Власть-то нынче одна, а завтра эвон глядишь другая, а золотишко-то оно... размышлял порой за бутылочкой мутного самогона в тишине Семилетко.

— Ох, Прокоп, Прокоп, сгинешь ты на заимке той, не гоже на чужой крови-то, жизнь начинать свою! Шептал ему старый егерь.

— Иди, иди прихвостень кулацкий! толкал его наганом в спину Семилетко. — Я сам разберусь с жизнью своей! Тебе-то жить только до заимки! Думал про себя в душе Семилетко.

А вот теперь ступая по чавкающей под ногами жижи болота Семилетко вспоминал пророчество деда. — Да! Думал он и кто же мог подумать?! Горько шептал Семилетко.

В ночь на двадцать второе июня, ему не спалось, толи жара одолела, толи тяжесть одиночества давила на него, чёрт его знает! Шепнул он в ночи, и вышел из вековой рубленой избы заимки.

Где-то там высоко в небе гроыхнуло! — Ни как дождь, да вроде не похоже! Произнёс он вслух, всматриваясь в предрассветное небо. Но небо было не спокойно, оно монотонным гулом, словно тяжёлой тучей висело где-то над головой, верхушки сосен своими острыми пиками казалось едва удерживали гул и тяжесть неба, носившего в себе необъяснимую тревогу. Семилетко зашёл в избу, нет не спится!

Это уже потом, двадцать третьего, двадцать четвёртого июня, он Семилетко понял всё! Самолеты сновали режа винтами облака, они сцеплялись в смертельном вихре огненного танца, разя друг друга ревущими ливнями свинца.

— Вот это да! шептал Семилетко, — это война! Всего-то побыл на заимке, и как всё переменялось? А я зиму коротать собирался? Да, человек предполагает, а Бог располагает! Не даром говорят в народе, ой не даром!

Двадцать пятого июня, прихватив с собой ружьишко и полный патронташ, Семилетко отправился на разведку в соседнее село узнать, что там, да как!?

— Конечно глупо считать, думал он, что меня не признают, хоть и отпустил я бородёнку и опять же в брезентовом плаще, а всё же родное село-то. Так поспрошаю кого, понюхаю чего! Весело немного с тревогой шептал он сам себе. Ну а что, я есть сбежавший от Советской власти в лес! Ну а что участковым был, да ведь не немцам вредил, а крестьян так сказать к порядку приучал! А порядок он любой власти нужен, опять-же комунык местных на перечёт знаю, да и мало-ли чего ещё! Весело подбадривал он сам себя, но была и тревога. — А ну-козь немцы свою власть установят, и свою Н.К.В.Де привезут! Эту в нашу-то глухомань? Сам с собой спорил Семилетко гоня тревогу прочь, раз до села осталось рукой подать.

— Эй! Охотник! А ну стой! услышал окрик Семилетко, вздрогнув всем телом. — Андрей! Не пугай человека! снова услышал оторопелый Семилетко. — Дед! Пойди сюда! На перерез Семилетко вышли два красноармейца с винтовками в руках. — Местный? спросил его молоденький лейтенант, выходя из своего укрытия.

— Да! Участковый я местный! чуть было не ляпнул от неожиданности Семилетко, а сказал — Да! Егерь я, Поликарп Тихонович Семёнов! произнёс он в слух.

— Егерь — это хорошо, значит местность знаешь, как свои пять пальцев! Весело произнёс лейтенант.

— А как не знать, столь лет уж! так же улыбнувшись в ответ произнёс Семилетко.

— Вот ты-то нам и нужен дед! Идем! произнёс лейтенант...

— Третья батарея! командовал майор артиллерист с красными от бессонницы глазами.
— Что у вас лейтенант? обернулся он к подошедшему к нему лейтенанту с Семилетко. Они о чем-то посоветовались и обратившись к Семилетко, майор спросил его — Вот эта дорога куда ведёт? Развернув планшет, ткнул пальцем майор.

— Аккурат на Михнёвку! ответил Семилетко вглядываясь в карту майора, кстати карта этой местности, что висела у Семилетко на стене в кабинете была куда точнее. А вот тут болото, стало быть топь! Для танков непроходимая! подытожил Семилетко.

— А с чего вы взяли про танки? подозрительно спросил его майор.

— Ну а как же? Немцы ведь! Глупо ответил растерявшийся Семилетко.

— Ну да, раз немцы значит на танках! зло прошептал майор. А у нас гражданин паникёр танков значит нет? Так вас понимать? Хм! Зло прикрикнул майор.

— Да я что, я ничего, я же егеря! шептал Семилетко.

— Лейтенант! Возьми этого егеря, пусть на месте всё покажет и расскажет! Снова жесткими нотками голоса говорил майор поднимая в руках бинокль.

— Есть, товарищ майор! — козырнул лейтенант. — Ну пошли что ли егеря стратег! улыбнулся лейтенант. Семилетко засеменил за ним.

Десятка полтора молоденьких бойцов рыли окопы, расчищали место для орудия на танкоопасном направлении. Семилетко водил лейтенанта окрест, показывая каждый куст, тропу, откуда могут немцы ненароком, по словам Семилетко, «затить с тылу».

— А там вон болото! Гиблое место! Топь! — показывал рукой в сторону своей заимки Семилетко.

— Нам это ни к чему, нам тылы без надобности, нам продержаться до подхода основных сил! — бодро отговаривался лейтенант.

— Ага! Ага! — кивал головой Семилетко.

Когда работы по укреплению позиций артиллерийской батареи были почти готовы, лейтенант, сидя прислонившись к огромному стволу сосны, тихо спросил Семилетко:

— Дед! А ты местный или как? Ну в смысле родом-то?

— Я-то? — переспросил Семилетко, приложив ладонь ко лбу словно «козырёк» от солнца, вглядываясь в даль, ему казалось, что высоко в небе прямо на них летит группа самолётов. — Лейтенант! — крикнул он. Гляди-кося! лейтенант, вскочил на ноги.

— К бою! К бою, мать вашу! — взревел он...

Стая «юнкерсов» Ю-88, словно стая злых голодных волков, ринулась на занятые красноармейцами позиции. Пикируя, казалось, по верхушкам сосен, что вот-вот срежет зелёную хвою острым краем своего крыла. Они рвали землю в клочья, словно волки зубами шкуру, беловежского зубра. Взрывы не прекращались ни на секунду, то тут, то там вздымая языки пламени, корёжили словно жалкие стебли пожухлой от солнца травы, стволы вековых сосен.

Молоденький солдатик, обезумев от страха, обхватив голову руками, выскочил из своего укрытия и рванул, чуть пригнувшись по полю, словно хотел убежать от падающей с небес смерти. Где-то недалеко от него упала бомба, оглушительный взрыв поднял столб пламени, и острый, летящий со скоростью звука осколок срезал словно бритва голову бежавшего бойца, уже бездыханное, безжизненное тело сделало несколько шагов и рухнуло в траву.

— Боже мой! — шептал Семилетко. — Словно на половину, от человека-то осталось, хотя голова-то пустяк! — лепетал он со страха невероятную чушь.

Оглушительный рёв моторов и звук падающих с неба бомб, вдруг разом стих, самолёты словно по команде улетели, разом прочь.

— Боже мой! — шептал Семилетко. — А где же теперь? — и он испугавшись своих слов, закрыл рот ладонью руки.

Словно сказочные гномы, то тут то там, разгребая песок руками, как из под земли вылезали люди. Вон в дали зашевелилась, пришла в движение, та самая третья батарея. Семилетко не сразу услышал где-то сбоку звук выстрела орудия, оглушённый бомбардировкой, он содроганием собственного тела ощутил выстрел. Он повернул голову — Мать Божья! — крикнул он. Прямо на них по полю, что было метрах в двухстах от них, стреляя на ходу ползли немецкие танки. Источающие дым, лязгающие гусеницами из стали, пышащие адом железные всадники апокалипсиса.

— Господи! — уже ревел обезумев от страха Семилетко.

Но тут дрогнула под ногами земля и „гномы“, что были загнаны бомбёжкой под землю, словно ожили, превратившись в былинных богатырей!

Они беспрерывно палили по танкам, бегая от орудия к ящикам со снарядами. Лейтенант что-то кричал, взмахивая рукой приложив бинокль к глазам. Огненный смерч громом вылетал из ствола орудия. — Есть! — Есть! — повеселел Семилетко.

Три танка, что шли впереди колонны бронированного кулака, дымили и горели посреди поля.

— Есть! — с радостью шептал Семилетко.

— Так-то, вот дед! — с гордостью говорил ему подошедший красноармеец. — Видал? Остальные-то драпают! — весело говорил он. — Не дрейфь!

Однако, не успели эти весёлые нотки молоденького бойца стихнуть в раскалённом от дневного зноя воздухе, как их сменил рёв самолётов. И вновь они с ожесточением волчьей стаи, рвали разрывами бомб и без того растерзанную землю, словно зубами выгрызая из неё трепещущую живую плоть, волны чёрных крестов на фюзеляжах самолётов укрыли небо. Кругом горело всё, непостижимо но горел даже песок!

— Зажигалки! Зажигалки, гады сбросили! — ревел раненный в руку лейтенант, он сжимал пальцами правой руки левое плечо повисшее словно плеть, раненой руки.

— Никита! Никита! — звал он кого-то на помощь. — Бинт давай!

Но Никита лежал плашмя на земле, уткнувшись лицом в окровавленный песок, сжимая в руке пакет бинта. Его лицо уткнувшееся в песок откуда-то видимо с виска, бесконечно пульсируя, заливало песок кровью.

— Черт! — выругался лейтенант, обернувшись в сторону Никиты. — А, а! — взревел он задрав голову к небу.

Но немцы не давали красноармейцам передышки. По полю обходя подбитые танки, на их позиции неслись бронетранспортёры с пехотой.

— Петренко к пулемёту! — снова орал лейтенант.

Где-то сбоку застрочил пулемёт, но как-то скупое, одиноко, орудия слева и справа молчали. Немецкий бронетранспортёр остановился и рывкнул спаренными М.Г.-34 по одиноко строчившему советскому пулемёту «Максим».

— Петренко! Петренко! — звал затихший пулемёт лейтенант.

Прикрывшись за броню транспортёра, пригнувшись с автоматами в руках, бежала немецкая пехота.

— Всё! Пропали! — шепнул себе Семилетко.

Он подбежал к лейтенанту и, взвалив обмякшее стонущее тело себе на плечи:

— В лес! В лес! К болоту! — кричал он сам себе. — Вот она Красная Армия, вот вся тут за плечами! — зло шептал сам себе Семилетко. — Ну? А говоришь танки у вас! Тю голодранцы! — зло кричал раненому лейтенанту Семилетко.

Ветки хлестали его по взмокшему от пота лицу, пот, лившийся со всего тела, словно застилал глаза, дыхание Семилетко перешло на хрип.

— Всё! Привал! — Семилетко бросил стонущее тело лейтенанта на траву, жадно припав губами к знакомому лесному ручью, с ледяной ломившей зубы водой. Минуты две он жадно пил, погрузив раскалённое от жары и бега лицо в голубую прохладу ручья.

— Ух! Ух! — вынырнул он, звонко разбрасывая вокруг брызги. Лейтенант тихо стонал, лёжа на траве.

— Щас! Щас! Лейтенант! Потерпи! — взяв в пригоршни воду, он смочил лицо и губы лейтенанта, тот в ответ громко простонал.

— Ну и хорошо! Вот и ладненько, дорогой! — обрадовался Семилетко. — Полежи тут пока! Я мигом! — прошептал он.

Отлично зная местность, Семилетко перешёл вброд изгиб ручья, вышел к болоту, миновал топь по известной ему гати и, пройдя оврагом, спрятался в кустах около дороги, прихватив с собой бинокль лейтенанта.

— Мать родная! Раз, два, три, четыре... Вот это силища! — произнёс Семилетко, разглядывая колонну танков и прочей бронетехники, шедшей по лесной дороге по направлению на Минск. — Да! Тут им рукой подать! Ясненько! — Он вдруг услышал в небе знакомый уже гул самолётов. — У-у! — притворно простонал Семилетко-Тьма!

Высоко в небе, разнося в чистой лазури светлого от солнечных лучей дня, монотонный гул, летела армада бомбардировщиков.

— На Минск, — заключил Семилетко. — И ни одного нашего истребителя! Что тогда, что сейчас! Ну что же, товарищ Сталин, это конец! — подытожил он.

Возвращаясь к оставленному им лейтенанту, Семилетко рассуждал:

— Угодить властям будет нелегко, вон у них силища какая, а вот доказать преданность можно, авось отволоку им лейтенанта-то, вот тебе, товарищ Семилетко, и козырь в руки, а? Ну, во-первых, почему Семилетко, я теперь Поликарп Тихонович Семёнов, аккуратно я его полгода назад в лагерь-то отправил, недобитка кулацкого, вредителя народного, документики-то его пригодятся, да и анкетка тоже, а во-вторых, я теперь не товарищ, нет! Я как есть господин! Да и капиталец имеется!

Так что мы ещё поглядим, поглядим кто-кого господ хорошие! радостно шептал себе Семилетко. Однако разочарования не заставило себя ждать!

— Черт-те! — выругался Семилетко. Кончился лейтенант!

Выдохнул он. Эх, ма негодовал Семилетко!

Прихватив с собой Т.Т. лейтенанта и документы, Семилетко направился в своё логово заимки. Два дня он слышал гул самолётов в небе нагоняющим на него тоску.

— Ну что же мне, гнить в этом болоте?! — выл Семилетко. Бабу что-ли приволочь сюда, всё веселей! Зло шептал он. Вдруг его ударило словно током. — Стоп! — бабу говоришь, кричал он сам себе. — А это шанс! Шанс! Поликарп! — взревел счастливый Семилетко. Шанс!

И имя этому шансу — Таня Сидорова! Как же я сразу-то, эх, дурень!..

Семилетко шёл быстрой, твёрдой походкой, знающего лес человека, а цель ему, как никому другому, была ясна...

1941 г. 20 июня, база Н.К.В.Д. Подмосковье.

— Слушаюсь товарищ генерал! Да! Всё будет исполнено! Разрешите выполнять!

Полковник Заев перевёл, что называется, дух.

— Вот оно значит как! — загадочно шепнул он себе под нос. — Дежурный!

В кабинет спец. аудитории вошёл дежурный с повязкой на рукаве.

— Синёва, Корова, Сёмко! Живо чтоб! — произнёс Заев.

— Слушаюсь, товарищ полковник! — дежурный, отдав честь, быстрыми шагами растревожил тишину коридора.

— Ну что же завертелось! — снова прошептал Заев, слушая в отдалении шаги дежурного.

Минут через сорок в аудиторию вошли все трое.

— Вызывали, товарищ полковник? — произнёс Синёв.

На столе у Заева лежала огромная красная папка с грифом «Секретно».

— Садитесь, товарищи! — делая жест рукой, пригласил их Заев. — Как настроение, товарищи офицеры? — спросил Заев.

— Боевое, товарищ полковник! — ответил Сёмко.

— А у остальных какое мнение? — улыбаясь, произнёс Заев.

Все молчали.

— Ну вот и отлично! — подытожил полковник, раскрывая огромную папку с тем самым зловещим грифом.

— Да уж, теперь настроение подпортят! — шепнул Синёву Коров.

— Здесь карта предстоящей операции! Задание! Маршрут! Детали операции! Изучайте, товарищи! Мне в связи с особо важностью задания покидать аудиторию нельзя! Так что, если возникнут какие-то вопросы, то задавайте, не стесняйтесь, я рядом! — улыбнулся Заев.

Проверка маршрута, координаты, отметки на карте, сверяли часа два не меньше, на уточнение деталей ушло не меньше, включая рисование схем на доске спец класса, прикидка времени и прочее.

— Когда вылет, товарищ полковник? — спросил Заева Синёв.

— О времени будет сообщено дополнительно, ещё вопросы? — пристально глядя на них, произнёс Заев.

Они лежали голова к голове на пожухлой от летнего палящего солнца особо охраняемого спец. аэродрома Киевского военного округа.

— Чёрный ворон, что ж ты выёшься... — затаянул Сёмко, глядя в чистое лазурно-прозрачное небо.

— Ну ты затаянул! — шепнул ему недовольно Синёв.

— Да, мужики! Начал Коров в этот раз, видимо...

— Ты хотел сказать — война, Олег? — приподняв голову, посмотрел по сторонам Синёв.

— Посмотрим, Саня, посмотрим! — шепнул ему Сёмко, раскусывая крепкими белыми зубами стебелёк травы.

В это время их три взвода, усиленные бойцами матобеспечения, тремя радистами, получили спец. обмундирование в огромном лётном ангаре.

— Завтра воскресенье! — шепнул Коров.

— Эх, братцы, как же по Москве погулять охота!

— Да уж, когда ещё погуляем? — недовольно ворчал Сёмко. — Вот начальство идёт, увольнительные несёт! — горько с иронией вздохнул он.

— Товарищи командиры! — командовал подошедший Заев.

— Здравия желаем! — произнесли все трое.

— Ну, идёте! Получите обмундирование, — как-то загадочно произнёс он.

Разведчики переглянулись.

В огромном ангаре суета и толчея закончились, и их бойцы покинули «предбанник», видимо закончив бесконечные примерки, подгонки размеров и прочую толчею, а теперь мирно расположились на лавочках в самой глубине ангара.

Усатый старшина командовал выдачей.

— Так значит! — деловито произнёс он, подняв глаза на подошедших разведчиков. — Первый кто у нас?

Заев качнул головой на Синёва.

— Угу! Получите! Так, оберлейтенант! — и он передал Синёву аккуратно сложенный комбинезон.

— Ого! — удивился Синёв. — Оберлейтенант — десантник немецких В.В.С.! — принимая форму.

— Примерь! — сказал Заев.

Минут пятнадцать подгоняли форму. Сёмко и Коров получили так же формы десантников «Вермахта», с той лишь разницей, что они были в звании лейтенантов.

— Старшина! Свободен! — объявил Заев. — Ну всё ли ладно, товарищи? — улыбнулся он.

Разведчики, округляя глаза, рассматривали друг друга.

— Нет, не всё, товарищ полковник! — произнёс Коров.

Заев вскинул на него удивлённый взгляд.

— А почему Синёв старший лейтенант? — улыбнулся Олег.

— Отставить! — повысив голос, произнёс в ответ Заев. — Вводную получите в квадрате 26/11! Вопросы?

В ответ стояла тишина.

— Ну вот и отлично! Через двадцать минут самолёт! Ясно?

— Ни как нет! — ответил Синёв, поправляя на плече новенький немецкий М.П.-40...

Однако вопреки ожиданию десантирования не было, самолёты нервно ревя моторами плавно опустились на аэродром «подскока» в приграничной территории, согласно предписанию директивы 053 с грифом «совершенно секретно».

— Синёв! Сиясь перекрычать гул моторов тяжёлого транспортника, в самое ухо Саши, кричал Заев. — Под маск. сетку! Живей, живей, не рассусоливаться!

Десантники строем, словно весенние ручейки цвета хаки, перебежали из чрева самолёта в заранее приготовленные для них укрытия под маскировочной сеткой.

— Второй! Третий! — ревел Заев. — В блиндаж! Живо!

Коров и Сёмко, прижимая немецкие автоматы, побежали в галерею окопов в блиндаж за Синёвым.

— Товарищи командиры! Согласно плану операции, катера находятся на рейде в квадрате 31.40. Вам следует начать погрузку строго по моей команде, рация настроена на волну генерального штаба товарищи! Приказ о начале операции будет отдавать лично товарищ «пятый»! Вы понимаете всю ответственность вашего задания, товарищи командиры?

— Так точно товарищ Заев! — ответили хором разведчики.

— Все по местам! Приказ к началу выполнения операции я отдам каждому из вас лично, товарищи, лично! — Выполняйте! Козырнул Заев...

— Странно, шепнул Коров, разглядывая в бинокль немецкий берег.

— Что Олег? — спросил Синёв.

— Что-то не видно немецких пограничников, что же они не патрулируют Дунай?

— Скоро узнаем! — вымолвил Сёмко, посмотрев на часы стрелки которых показывали три часа утра.

Закрыв глаза, Саша на мгновение увидел лицо Тани, вот она совсем, совсем рядом, боже мой, как же хочется обнять её.

— Что? — переспросил Коров.

— Ничего, ничего, это я так! — шепнул Саша.

— Ну, ну! — ответил Коров, пристально рассматривая чужой берег. Минуты ожидания тянулась вечностью.

— Сейчас Заев прилетит? — неожиданно произнёс Сёмко.

— Ты откуда знаешь? — спросил его Александр.

— А у него личная связь с ген. штабом! — улыбнулся Коров.

— Балаболка! На небо глянь! — зло шепнул ему в ответ Сёмко.

Высоко в небе слышался отдаленный монотонный рев моторов, и в предрассветной мгле еле, еле виднелись контуры теней самолётов, летящих с чужой немецкой территории, туда, где мирно спало в этот предрассветный час 22 июня население С.С.С.Р. Это были самолёты четвёртого воздушного флота Люфтваффе. Но этого они знать не могли.

— Всё! Вперёд, ребята! Работаем! — скомандовал подбежавший к ним Заев. — Сверим часы! добавил он. — Три часа тридцать минут! Приступить к выполнению задания!

— Есть, товарищ полковник! — рапортовали разведчики.

Рота разведгруппы спец. назначения спешно без лишней суеты грузилась на боевые катера речного флота, оснащённые зенитками и башнями с усиленной броней Т-34 УБ.

— Ну понеслась душа в рай! — под шум разрывающих воду винтов боевого катера класса «миноноска», кричал Сёмко.

— Что ты набожный стал! — улыбнулся ему в ответ Коров. Работаем ребята! — радостно кричал он, сопротивляясь голосом шуму ветра.

В условленном, отмеченном на карте квадрате 391/80 катера пристали к берегу, высаживая десант на чужой берег. Спешно выгрузив десант, катера заняли оборону контролируя фарватер реки.

— Живее, живее! Не растягиваться! — командовал Синёв, словно считая бойцов хлопал их по плечу — Второй!

Третий! Звонко кричал он — Всё! Бегом, марш!

— Есть, есть! — слышались отовсюду голос.

Прошло полтора часа мучительного бега по незнакомой местности, с полной боевой выкладкой.

— Привал! Шагом! скомандовал Синёв. — Второй, третий! Ко мне!

— Есть! слышалось в ответ.

Расставив секреты, отдав чёткие приказы караульным отработанные часами упорных изнурительных тренировок в спец. лагере Подмосковья, Сёмко, Коров и Синёв развернув карту производили рекогносцировку.

— Так, мы тут! и Синёв ткнул пальцем в развёрнутую карту. — Вот объект!

— Далековато! протянул ворча Коров.

— Не ной! резко оборвал его Сёмко.

— Ты когда бежал, ноги заплетались!

— Ага, а вместе с ними мозги! злился Сёмко.

— Видел сколь «крылатых» на нашу территорию махнуло? нахмурился Коров. Ох, чувствует моё сердце не к добру это!

— И у нас всё лихо и десант и тишина кругом, ох не к добру! кивнул Сёмко.

Саша тоже насторожился, ибо странно это, ни пограничников, ни преследования, ни чего! Да и в добавок в возможных точках сосредоточения немецкой техники явно слышен рёв моторов.

— Что же, мы сюда, они туда?? задумчиво прошептал Сёмко.

— Ладно разберёмся, своих дел невпроворот! шепнул Коров...

Сердце стучало в грудь словно молот, лёгкие едва справлялись с дыханием двухчасового бега, ну ещё чуть, чуть и всё снова, привал вот скоро и часы покажут стоп! Амба! Привал! Еще чуть... носилось в голове Синёва. — Шагом! скомандовал он, глядя на часы. — Селиванов! крикнул он.

— Я!

— Давай вперёд! Глянь что там! отдавал приказы Синёв бойцу своего взвода.

Снова привал, снова сверка координат на месте.

— Сколько ещё Саша? спросил его Коров, заглядывая в карту наволясь на него всем телом.

— Да прилично! ответил Синёв.

— Да вот же! ткнул пальцем в карту Коров.

— Угу! Это по прямой! А так не как не получается дорогой, ни как! шепнул вычисляя путь Синёв.

— Товарищ первый! с разбегу плюхнулся к ним в небольшую ложбинку Селиванов. — Товарищ первый! снова начал он.

— Отдышись! не мямли! ругнул его Синёв.

— Товарищ первый, там станция! выдохнул Селиванов.

— Где??? удивился Синёв.

— Вот тут она! и Селиванов ткнул пальцем в квадрат карты, где проходила железная дорога.

— Так, интересно, Второй за мной! Третий с бойцами! — скомандовал Синёв...

— Нет, ну ты видел? — возмущался Коров разглядывая в бинокль не существующую на карте станцию с двумя погрузочными платформами для техники — Ох, разведка!

— Да тише ты! — перебил его Синёв — Свежая же постройка, блоки бетонные, собрать плевое дело! Ладно, подтягивай сюда бойцов!

— Есть командир — ответил Коров...

— Саша! Ты только погляди, эшелон за эшелон, эшелон за эшелон, и всё на восток! — шептал Сёмко.

— Вижу — разглядывая платформу станции отвечал Синёв.

Вдруг один из эшелонов шедший мимо станции, вовсе сбросил скорость ползя как черепаха, остановился у платформы, началась разгрузка. Немцы работали чётко, слаженно, быстро разгрузив предназначавшийся станции груз, эшелон дёрнулся всей тяжестью своих вагонов, оставив на платформе два Б.Т.Ра, штабную машину, три мотоцикла и огромное количество ящиков со свастикой. Охрана станции подгоняла рабочих выкриками «поторапливаться», и те укрывали ящики брезентом, камуфляжной раскраски.

— Живо! Живо! — размахивая руками командовал офицер.

— Саша! Редкая удача! — улыбнулся Коров.

— Уймёшься ты или нет, балаболка! — недовольно ворчал Александр. — Так Сёмко — «Север», я — «Юг», ты! — и он смерил строгим взглядом улыбающегося Корова, тот сразу убрал улыбку. — Ты станцию! Работаем! — скомандовал Синёв.

Бой был скоротечен, охрана станции, даже не попыталась сопротивляться «немецким» десантникам, неведь откуда свалившимся им на голову.

— Господин лейтенант! Ваше поведение... Я буду жаловаться вашему начальству! — ревел оторопелый офицер интендантской службы, чех по национальности, — Неслыханно! Вы врываетесь...

— Рот закрой! — рявкнул на него по-русски Коров, без разговора вынимая пистолет из висевшей на ремне офицера, ошарашено вращающего глазами, кобуры. — Сядьте! — скомандовал уже по немецки Коров.

— Горючее! — крикнул едва войдя в двери Синёв чешскому офицеру, по немецки.

— В пакгаузе! — шёпотом произнёс садящийся на стул чех.

Тем временем взвод Сёмко минировал все объекты, включая пакгауз, саму дорогу и помещение станции, боеприпасами взятых из ящиков немцев, разгруженными на станции.

— Быстро! Руки за голову! — вталкивал опешившую охрану, вместе с рабочими станции в помещение, крича на немецком языке Сёмко. Его взвод разоружив охрану, умело «набил» немцев в помещение. Часть бойцов роты спец. назначения тем временем помогала сапёрам, задействовав при этом бригаду рабочих.

— Всё Саша, всё! Уходим! Сюда идут грузовики за боеприпасами! — и Коров кивнул на офицера станции.

В ответ Синёв кивнул головой.

— Товарищ первый, всё готово! — доложил подбежавший сапёр.

— Долго! Долго возитесь! — крикнул через открытое окно Синёв, подгоняя бойцов, грузивших оставшиеся боеприпасы в бронетранспортёры...

Куда и кому предназначалась эта техника комендант станции не знал, только отдал документы на получение, с предписанием полковника С.С. Шредера.

— Саша! Ты только посмотри! В кузове Б.Т.Р. лежали огромные полотнища красных знамён с чёрной свастикой на белом фоне.

— Ну и отлично! — скомандовал Синёв. — Я в штабную машину, вы в Б.Т.Р.ы. Селиванов, Иванов, Ерёмин — мотоциклы. Вывесить флаги на Б.Т.Р.ах. Вперёд! — крикнул Синёв.

Колонна из пяти грузовых машин, шедшая на станцию за боеприпасами, встретила их примерно в двухстах метрах от станции.

— Хельмут! Ты только посмотри! Они уже победу празднуют! — язвительно сказал шофёру, офицер штаба четвёртой пехотной дивизии, капитан Лемке.

Однако из шедшей впереди колонны штабной машины, чуть позади мотоциклистов, высунулся офицер десантник и строго указал жестом колонне грузовиков прижаться к обочине и остановиться.

— Вот, чёрт! Чего им надо! — проворчал офицер штаба. Хельмут! Но не успел он договорить последнюю фразу, как из поравнявшихся с ними Б.Т.Р. из спаренных М.Г.-34 почти в упор ударили очереди, кроша всё градом пуль. В довершение в изрешечённые свинцом

машины, точно в кузова полетели ручные гранаты, брошенные из Б.Т.Р. Разрыв гранат заглушил стоны и крики раненых, баки автомашин рванули объяв грузовики языками пламени.

— Живых нет! — дал знак из легковой машины Синёв, идущем сзади него Б.Т.Р., которым командовал Сёмко.

Сёмко вылез на подножку Б.Т.Ра и дал аналогичный знак Б.Т.Ру. Корова — Живых нет! — И колонна, прибавила ход, развивая на ветру немецкие знамёна, оставляя за собой горящие на обочине немецкие грузовики, в которых нет и не могло остаться живых...

— Саша! По времени хорошо идём, интересно, что там на станции? — шепнул ему Коров, пересев в штабную машину, Сёмко сидевший за рулём, после последнего привала был хмурый как туча.

— Ну чего опять, чего? — злился на него Коров. — Что по лесу чапать лучше? А там ещё в гору! А тут на технике! Красота! — радовался Коров.

— Ох, Олег! Тревожно мне! — не унимался Сёмко. — Слишком всё лихо! Вот как бы «лихо» и не хлебнуть полной ложкой...

— Да ладно тебе, вечно ворчишь, как старый дед! — весело прикрикнул Коров.

— Так! Внимание! Остановить машину! Все по местам! Скоро объект! Работаем!...

Нефтеперерабатывающие химические предприятия немцев в Румынии «питались» единственным месторождением нефти, обеспечивающее горючим войска армии «Юг» и армии «Центр», под командованием Герхарда Рунштанда и Теодора фон Бока. Охрану этих объектов осуществляли тыловые части румынской, венгерской и чешских армий входящих в состав «Вермахта».

— Йозеф! Слышал новость? — и бряцая оружием часовой, что стоял у шлагбаума на входе у завода подошёл к своему товарищу протягивая ему сигарету, тот молча взял.

— Швабы, совсем потеряли голову! Да! Так! Видишь вон там! — и он указал пальцем на вершину небольшого массива. — Расположили легион «Кондор».

— Зачем? — ответил наконец его молчаливый товарищ.

— Как это зачем? У русских тоже самолёты есть — словно ребёнку пояснил «оратор». — Так вот установили зенитки, и «Кондор» перекрывает все тропы возможного прорыва сюда русских!

— А мы что же? — ответил Йозеф затягиваясь дымом.

— Нам видно не доверяют Йозеф! Да и то правда! Вон как итальянцы-то обделались! — и улыбаясь Гашек бросил сигарету, повернувшись спиной к дороге, что перекрывал шлагбаум.

— Гашек! — толкнул его в плечо Йозеф. — Ты посмотри!

Петляя по серпантину дороги сюда к ним ехала колонна состоящая из бронетехники, мотоциклов, автомобиля с развевающимися флагами.

— Да! Вот и сюда «Кондор» прилетел, то ли с проверкой, то ли нас менять! — последнюю фразу Гашек произнёс с иронией.

Ехавшая позади мотоциклов штабная машина, вдруг набрала ход и первой оказалась возле шлагбаума.

— Саша! Твой немецкий! — Сёмко покачал головой, тот в ответ похлопал его по плечу. Машина резко притормозила у шлагбаума.

— Не стоять! Живо! Ослепли! — злым голосом недовольного командира, на немецком языке, рывкнул Синёв.

Йозеф растерялся, и вместо того, чтобы выполнять свои обязанности часового КП, стал живо поднимать шлагбаум, лихорадочно действуя руками. Колонна беспрепятственно въехала на территорию завода.

— Иштван! — рывкнул вбежавший дневальный роты охраны.

— Швабы! Лейтенант венгерской пехотной части, приданный роте охраны, пулей влетел на порог двухэтажного здания, где собственно и базировалась та тыловая часть роты охраны объекта.

— Спишь лейтенант! — снова по-хозяйски рывкнул Синёв.

Лейтенант на бегу поправляя фуражку, округляя глаза от обилия техники во дворе, от слаженно и чётко выпрыгивающих немецких десантников с борта Б.Т.Р — опешил! Здесь глубоко в тылу, он и представить себе не мог, что есть дисциплина. — «Кондор» они! Крутилось у него в голове. — За мной лейтенант! Пошли! И Синёв пошёл в сопровождении растерявшегося лейтенанта в здание роты охраны.

— Сменить посты! На моих людей, живо! — командовал лейтенант-десантник.

— Но я на этот счёт не получал никаких инструкций и...! — начал было лейтенант венгр.

— Молчать! — взревел Синёв и чуть понизив голос добавил — Я есть ваша инструкция!

Опешивший лейтенант пошёл на пульт в сопровождении Синёва и Селиванова, отдавать соответствующее распоряжение. Проходя по коридору он машинально посмотрел в окно, десантники разгружали какие-то ящики и бегом чётко и слаженно скрывались в глубине территории.

— Чёрт тебе что! — шептал он.

Солдат роты охраны загнали в помещение роты, разоружили, приказав не произносить ни звука, однако часть из них помогали укреплять зоны объекта.

— Что это значит? — робко ворчал лейтенант.

— Это значит то, что вы будете сидеть тихо, словно тени! Иначе!!! — произнёс Коров на немецком языке, наводя ствол автомата в грудь лейтенанта. Тот побледнел и затих.

— Ничего не понимаю! Учение у них что ли? — шепнул он. Часа через два Сёмко доложил — Объект заминирован!

— У тебя что Олег? — поднял глаза Синёв на Корова.

— Согласно плану операции! — ответил тот.

— Добро! — улыбнулся Синёв — Радисты? — крикнул он.

— Всё в порядке товарищ первый! — крикнул вбежавший Андреев.

— Рации на волне! Ждём приказа! Выполнять! — жёстко скомандовал Синёв.

— Есть выполнять!

— Так, пока всё идёт по плану! — подытожил Синёв.

— Даже лучше! — и Коров кивнул в сторону Б.Т.Ров, своей бронёй закрывших подъезды к заводу.

Сёмко грузно сел на стул вытирая пот со лба, его напряжённость словно улетучилась.

— Ну вот! А ты хмурый словно туча! — улыбнулся Коров. Сёмко облокотившись на спинку стула от усталости и напряжения последних часов, улыбнулся. — Наши-то, небось, тоже не дремлют! — прикрывая глаза с улыбкой произнёс он...

1941 г. Берлин, 23 июня 10:00 утра

— Вы отдаёте себе отчёт! Рупштант! Вас за это расстрелять мало! Двадцать четыре часа! И не минутой больше! Браухич швырнул трубку.

— Чёрт знает что! Если русским удастся взорвать завод?! Это конец наступлению! Он нервно поправил воротник кителя.

Вновь зазвонил телефон спецсвязи.

— Да! Слушаю! Что у вас Фон Бок? Где??? В восточной Пруссии??? Двадцать километров! Ликвидировать немедленно!! Никакой обороны! В случае дальнейшего прорыва?? Да вы в своем уме Теодор? Где же ваша авиация? Фон Бок? Любой ценой! Слышите, любой ценой! Уже сорвался на крик начальник генерального штаба «Вермахта»

— Вот тебе сюрпризы русских! Шепнул он садясь в кресло. Что же будет если они разовьют успех! Мы останемся без нефти! О, мой Бог! Он снова поднял трубку телефона спецсвязи.

— Здесь Браухич! Соедините меня с Герингом! Немедленно! Кричал он в трубку. Затем немного поразмыслив добавил – Канариса! Ничего не знаю! Да! В приёмную генерального штаба! И еще командира спец подразделения «Вервольф»! Хайль! Браухич положил трубку спец связи.

23 июня 7⁰⁰ утра.

— Олег! КП! скомандовал Синёв.

По извилистому серпантину к территории завода ровно в семь ноль, ноль утра, двигалась колонна немецких танков, мотопехота и не менее пяти грузовых машин, укрытых брезентовым тентом.

— Так ребята! А вот и гости к нам! — подбодрил своих бойцов, подбежавший к своей линии обороны Коров.

— Селезнёв!

— Я! откликнулся боец.

— Что у нас там с дорогой? — спросил его Коров.

— В норме, товарищ второй!

— Ну, ну, смотри у меня старшина! И Коров прицелился из трофейной винтовки в надвигающуюся колонну...

— Герман! Только болванками! Только по линии сопротивления! Слышал по радиации голос командира дивизии! Герман, лучший снайпер танковых сражений группы армии «Юг»!

— Коля давай! — крикнул Коров. Старшина тотчас повернул рукоятку взрывателя.

Прогремел оглушительный взрыв, он был такой силы, что танк, идущий впереди колонны, разворачивающий башню на ходу, чуть подбросило, сорвало башню, и языки пламени мигом окутали подбитую взрывом машину.

— Один есть! — радостно крикнул Коров. — Коля! снова командовал он.

Взрыв не меньшей силы снова потряс округу, на воздух взлетела грузовая машина, шедшая позади наступающих танков. Сквозь грохот эхо, что носило по горам остатки взрыва, как будто слышались крики солдат из развороченной взрывом машины.

— Огонь! — крикнул Коров. Бойцы его взвода открыли огонь по немцам, прыгающих с борта оставшихся машин, подбитый горевший танк перекрыл дорогу остальным.

Однако и немцы, быстро перегруппировавшись, открыли по ним шквальный огонь. Под прикрытием этого огня пехотинцы вермахта зацепили тросами искореженный головной танк колонны и уже пытались стащить его с дороги стоявшей сзади него совершенно новой машиной...

— Серёга пошёл! — скомандовал Коров.

Боец лихо перепрыгнул через мешки с песком, что укрепляли их позицию, пополз к работающим немцам пытающимся зацепить танк и швырнул в них связку гранат.

Раздался оглушительный взрыв, разрывом связки гранат в клочья разорвало тросы, что пытались зацепить немцы, двое из которых были сметены силой взрыва за отвесный край обочины дороги.

— Ту-ту-ту-ту! — грянул в ответ рёв немецкого пулемёта из танка.

— Серёга! — выкрикнул Коров. Тело Сергея словно ударом огромного молота в грудь отбросило на спину.

Из всех видов оружия немцы усилили огонь. Болванка, выпущенная с диким грохотом из ствола танка, точно угодила в мешки с песком справа от Корова. Трое его бойцов, буквально взлетели в воздух словно мешки с песком. - А гады! ревел Коров, припав к трофейному пулемёту. Танк "гнездили" по дороге пытаюсь объехать горящую машину, и вот он уже, казалось, совершил удачный маневр объезжая огненную преграду - Коля! крикнул Коров, в ответ ни звука. - Коля! Старшина! ревел Коров. - А чёрт! кинулся он в то место, где сидел старшина.

— Чёрт! Коля! шептал Коров. Старшина лежал на земле раскинув руки, пуля немецкого пулемёта прошла ему грудь, лицо, кровь вытекая из уже убитого тела образовала огромную лужу. Коров лихорадочно искал взрыватель. - Вот он! громко крикнул он сам себе, казалось силой голоса старался перекричать грохот боя. Он схватил взрыватель за рукоять, обернулся в сторону маневрирующего танка, и как только тот, одной стороной траков наехал на отвесный склон скалы, что была на против обрыва дороги, Коров рванул рукоять! Взрыв сотряс подножье небольшой скалы, вызвав лавину поток камней сверху, на горящую башню танка, сыпались тонны мелкого камня, окрыв его почти полностью.

— Ну теперь лезьте гады! выдохнул Коров всей грудью, дорога была запружена. Немцы постреляв ещё немного, откатились назад. Из тридцати бойцов, что обороняли К.П. целыми вышли из боя только восемнадцать, остальные были либо тяжело ранены, либо убиты.

— Олег, цел?

— Ты сам-то цел, Саша?! ответил Коров. Так-то вот Саша! шептал он. Потом вскинув голову, спросил с надеждой в голосе - Ну? Синёв покачал головой и тихо ответил - Молчат!...

Немцы остервенело шли в атаку за атакой, не считаясь с потерями, волна за волной, унося раненных, снова и снова кидаясь в атаку. А радики, настроенные на "центр" хранили упорное молчание, ни звука, радист ловил лишь гавкающую в эфире немецкую речь...

22 июня. 3 часа 50 минут

Кузнецов докладывал Жукову о том, что корабли Черноморского флота подверглись атаке с воздуха, армадой самолётов без опознавательных знаков с территориального воздушного пространства Германии.

— Атака отбита! Георгий Константинович, но в Одессе разрушения есть! Война, товарищ Жуков, война! Доложите Сталину! Генерал личной охраны Сталина поднял трубку, тихо произнёс сонным голосом — Что у Вас?.. Хорошо. Я доложу, но Сталин спит!

— Докладывайте срочно! Будите Сталина!...

... Шесть дней, ровно шесть дней Сталин сидел у себя на ближайшей даче в Кунцево. — Арест? Расстрел! думал он, слыша шаги в коридоре.

— Коба! Это война! испуганным голосом произнёс Берия. — Вот это сводки с фронтов! трясущимся голосом, произнёс Молотов, раскладывая какие-то бумаги перед Сталиным. Тот окинул их взглядом, полного ненависти к этим „Паникёрам! — В Кремль! жёстко произнёс он.

Жуков ждал Сталина в приёмной, когда тот торопливо шёл в свой кабинет. Все вскочили со своих мест, встав на вытяжку, Сталин бросил взгляд на Жукова, сжимавшего в своей руке карту, — Зайди! Бросил он на ходу...

— Вот здесь, здесь и здесь! докладывал Жуков тыча пальцем в разложенную на столе карту боевых действий. Сталин молча ходил по красной дорожке куря трубку.

— Что вы предполагаете товарищ Жуков? тихо произнёс он.

— Отвести войска, вот к этой линии обороны, оставив Киев!

— Как вы могли додуматься до этого! вскричал Сталин. Минск пал за пять дней боёв, за пять! Теперь Киев?! кричал Сталин...

25 июня 1941 г. Нефтеперерабатывающий завод

— Саша! Патронов нет! — с недовольством и тревогой в голосе произнес Коров.

— Надо найти! — закричал Синёв в ответ.

— Не горячись Саша! У меня тоже на исходе! — шепнул Сёмко.

— Обрадовал! — зло сказал Александр громким голосом.

— Ну что же, надо думать как выкручиваться, а ты ревьешь словно медведь в берлоге! — резонно заметил ему Коров — Молчат?

— Молчат, Олег! И питание у радики, как ты говоришь тю-тю!

— Что же это творится? — пробормотал Коров.

— Да, Олег, творится! В эфире только немцы! — подытожил Синёв.

— Как только немцы? А наши?

— Остолбенел или оглох? — зло шепнул ему Сёмко.

— Запроси Минск! Снова вымолвил Коров. Там же прорыв должен был быть! — с надеждой в голосе произнес он.

— Должен! — ответил ему Синёв. Вот только с чьей стороны? Вот вопрос!

— Да вы что это? Сдурели! Где же наши? Ничего не понимаю! — шептал Олег.

— Так! — ударил ладонью по столу Синёв — Вот что! Слушайте что я скажу!...

Саша с тоской и болью в сердце рассматривал обгоревший немецкий Б.Т.Р., который они поставили на К.П. словно щит. Бойцы не успевали подтаскивать железяки и прочий «хлам» возведя в воротах завода нечто подобное баррикаде.

«Как глупо! Немыслимо! Кто это мог предвидеть?» — носилось в его голове, когда он рассматривал «оборону завода». — Почему же ты молчишь «Центр»? Ну сколько еще, сутки? А потом — рукопашная, ну хорошо если час, ну полтора, а дальше? Взорвать все к чертовой матери!!! Приказа нет! А это Генеральный штаб. Да что же это такое?! Бросили нас что ли?! Не распускай нюни, Синёв! — ругнул он сам себя. — Дождаться! Приказ будет! Его не может не быть!

— Командир! — крик радиста словно разбудил его от тяжести мыслей.

— Что? — вскочил Синёв со стула.

— Немцы! — и радист казалось испугался своих слов и добавил — Очень, очень далеко командир!

— Ты что мелешь! — рявкнул Синёв схватив его за грудки немецкого комбинезона.

— Послушайте сами! — шептал побледневший радист...

25 июня 1941 г. Район нефтезавода.

— Что вы предлагаете Холтоф!?

— Может бомбить?!? нервно расхаживал по кабинету полковник штаба армии «Юг» Фриц фон Кауст. — Мое спецподразделение «Вервольф» готово выполнить...

— О мой Бог! Ваше спецподразделение! Ваше спецподразделение Холтоф, способно только на штурм! А штурм это значит бой! Вон, Холтоф, посмотрите в окно! Видите!!! Это не нефть и не бензин! Это черт бы вас побрал, Холтоф стоящие на исходных рубежах танки с пустыми баками! Именно! Капитан! А в случае штурма, это почти взрыв! Гибель не только нефтезавода, а гибель операции на Востоке! Это вам ясно — Холтоф! Я и так отдал своим солдатам приказ стрелять только на поражение! Черт бы вас побрал Холтоф!

— Господин полковник!

— Что вам Фриц?

— Это срочно!

— Ну, ну, что у вас Фриц? — полковник Кауст резко подошел к адъютанту.

— Парламентёры! Господин полковник! — доложил Фриц.

— Что? Какие парламентёры? — изумился Кауст. — Идемте Холтоф! Спешно вышел из кабинета Кауст одевая на ходу фуражку.

Мерседес полковника, ответственного за ликвидацию группы Синёва неся к недавнему месту боя.

Машина сбавила ход, и подъехала к заводу остановившись в двадцати метрах от ворот. На встречу ему вышел немецкий лейтенант-десантник, с поднятым куском белой материи в руке

— Что вы хотите? Без предисловий! начал Кауст...

— Саня! А если не клюнут? — шептал ему Коров.

— Не канючь! — цыкнул на него Синёв, крутя головой глядя на готовность снайперов группы. — Так вроде бы готовы — отметил про себя Синёв. — Ну Сёмко крути, крути родной! — шептал ему Синёв.

— Саша! Посмотри карту разворачивают! с улыбкой произнес Коров. В ответ Синёв зло посмотрел ему прямо в глаза..

— Вот в этот квадрат! — ткнул пальцем в карту Сёмко.

— Но позвольте, не знаю, как вас там называть, где гарантии того, что в случае, если мы вас выпустим в условленный квадрат, оставленные вами люди, а я так понимаю это специалисты, не взорвут завод! Героев хватает и у вас, и у нас! Разве нет? — четко произнес Кауст.

— Придется поверить господин полковник, иначе взрыв! — глядя прямо в глаза Каусту произнес Сёмко.

— Вы русские невероятные циники! — ответил Холтоф.

И не в вашем положении ставить условия! Зло добавил он.

— Капитан! — прикрикнул Кауст. Надо подумать над их предложением. Но искать компромисс придется! И повернувшись к парламентёру произнёс: - Вы ведь враг! А к врагам у нас доверия нет!

— До свидания господа! и полковник пошёл к машине...

— Послушайте Холтоф, что он там нёс, об окружении их группы, что ответного удара в этом квадрате не будет, он якобы гарантирует? произнёс ему Кауст

— Чёрт его знает, по моему он не в курсе, что творится на фронте, и у меня создалось впечатление, что эти диверсанты, понятия не имеют, что идёт война, именно так Кауст, они ликвидируют своим ответным ударом, нашу провокацию, так раньше писали их газеты!

— Чёрт возьми, они недопонимают какую миссию выполнили! шептал Кауст.

— О, если б понимали, всё взорвали бы тут к чёртовой бабушке, Кауст! ответил ему Холтоф. — Нет, вы представьте он гарантирует нам!!! не наносить по указанному квадрату ответный удар! Да там нет их войск километров на триста! Он этого не знает!

— Хорошо что не знает! ответил Кауст. Кстати радиоперехват?

— Тишина Кауст, тишина! ответил Холтоф. И я ду...! Пуля, выпущенная снайпером с завода навсегда заставила замолчать командира спец. подразделения "Вервольф" тем самым обезглавив командование группой. Вторая пуля в клочья разорвав свинцом череп полковника Кауста, разорвала координацию штурмующих завод батальонов "Вермахта"

— Внимание! поднял руку Синёв. И лишь только Сёмко поравнялся с воротами, снайперы открыли ураганный огонь по машине полковника, по стёклам стоящего Б.Т.Р. немцев.

— Штурм!

Из открывшихся настежь ворот на позиции немцев рвануло с полсотни бойцов стреляющих на ходу с криками - Ура!

Снайперы "глушили" пулемётчиков на Б.Т.Р. Этого не ожидал никто!

Стремительный рывок прямо в лоб на немцев, сделал своё дело, эффект неожиданности был достигнут. Немцы напряженно смотрели в прицелы оружия в момент переговоров, но вроде бы всё прошло удачно, машина возвращалась... и вдруг!

Мгновенье немцы приходили в себя от боя, встречного, стремительного рывка. Но затем открыли ураганный огонь.

— Ну ещё, ещё чуть, чуть, там склон, лес! Ну ещё, ну пожалуйста, Господи, если ты есть! — шептал про себя Синёв. То тут, то там падали, сражённые вихрем пуль его бойцы, вскидывая руки, они замертво падали на землю, и никто не мог помочь им, никто, лишь прорыв, прорыв любой ценой, туда к спасительному лесу. Здесь не могло быть засады, немцы не оцепляли район боя и тем более район сосредоточения техники и пехоты.

Завод был оцеплен в три кольца, начиная от группы «кондор» контролирующие небесное пространство над заводом, и кончая норвежскими десантниками группы спец. назначения «Вер. Вольф», готовые словно гончие собаки ринутся на тушу зверя в любую секунду. Но Синёв повёл бойцов в лоб! На линию огня! Этого не ожидал никто!

Грузившиеся в машину пехотинцы никак не ожидали такого напора, отстреливаясь на ходу они прижимались к машинам. Синёв швырнул гранату точно в кузов стоящего Б.Т.Ра, пулемётчика буквально вырвало силой ударной волны из кузова бронированной машины, они прижались к борту опустошённого взрывом гранаты Б.Т.Ра.

— Олег! — крикнул Синёв. — По команде к лесу! Последнюю фразу Синёв показал рукой.

Олег, лежавший с группой бойцов под опрокинутой набок машиной, что защищала их от пуль, словно стальной щит, кивнул головой.

— Внимание! Работаем! — дал знак Синёв.

Прикрывая друг друга, они рвались к спасительной сени леса, немцы осыпали их градом пуль, казалось из всех видов оружия.

— Быстрее! Быстрее ребята! — несло в голове Синёва.

Ну вот, вот уже...

— Витке, что там за стрельба? — молоденький офицер Вермахта спросил шофёра сидевшего за рулём военного грузовика, везшего в кузове закрытого тентом взвод солдат и тащившего за собой гаубицу.

— Тормоза! — прошептал офицер шофёру.

Машина прижалась к обочине. Офицер вышел, широко расставив ноги, хотел было поднести бинокль к глазам. — Уж не туда-ли мы едем! — пронеслось у него в голове.

Сёмко и Селиванов лежали в кустах около дороги дожидаясь остальных товарищей, они оторвались от преследования и теперь были «головной» колонны.

— Бинокль! — шепнул Селиванов. — Ребята! Эх!

— Тихо боец! — шепнул Сёмко.

— Эгг! — выдохнул немецкий офицер и сел на асфальт дороги сражённый брошенным в него ножом, прямо в грудь, рукой Сёмко.

— Работаем! — крикнул Сёмко. Шофёр! — крикнул он на бегу Селиванову. Сам подбежав к кузову машины распахнул тент. — Всем оставаться на местах! Сидеть тихо! скомандовал он на немецком языке солдатам, находившимся в кузове машины. В это же время Селиванов уничтожил шофёра грузовика, выволок обмякшее тело и оттащил его за обочину дороги.

— Порядок командир! Дал знак Селиванов Сёмко.

— За руль! крикнул ему Сёмко. Ну если вторая машина! Это конец! носилось в голове Сёмко.

Солдаты сидели в кузове неподвижно, во первых их пугал вид офицера - десантника „Люфтвафе“, во вторых наведённый ствол его автомата прямо на них.

Шли тяжёлые минуты ожидания.

— Ух! Наконец-то! выдохнул в сердцах Сёмко, он увидел фигуру Синёва, мелькавшую между кустов, что вели прямо к нему.

— Олег! Быстро! Там Сёмко! крикнул Саша оценив картину увиденного. - Живо! Живо гады! Из кузова! Надрывно ревел Синёв, подбегая к Сёмко.

—Артиллеристы! Очень хорошо! Синёв заставил немецких солдат, подгоняя их побоями, руганью, угрозами расстрела, навести пушку, развернув орудие в сторону преследователей.

— Огонь! Огонь! командовал он, прикрывая отход тех, кто ещё остался, кто ещё мог прорваться сюда к ним.

— Всё Саша! Всё, уходим! схватил его за плечо Сёмко. - Нету больше никого! Уходим! кричал Сёмко.

— Живых нет! хриплым голосом прогремел Саша.

Гавкающая длинная очередь выпущенная из пулемета М.Г.-34 разметала по асфальту израненные истекающие тела артиллеристов - за Сашку! Серёгу! Колю! кричал сквозь «лай» пулемёта Коров.

— Уходим Олег! скомандовал Синёв...

Сутки изнурительного, выматывающего все жилы человеческого тела Марш Броска, короткие отдыхи, сверка маршрута по карте, ориентировка по местности и бег, бег, бег. - Всё привал! командовал Синёв, рухнув всем телом в мягкую траву лесной поляны,

— Всё Саша, оторвались! еле переводя дух произнёс Сёмко. - Ох! сердце выскакивает из груди! Саша ты чего? произнёс Сёмко опустив взгляд на дрожащую спину Синёва, лицом уткнувшегося в мягкую траву.

— Зачем? За что? шептал Синёв сквозь слёзы.

— Саша, Саша! сел рядом с ним Коров. Ты чего?

— Олег! Ответь мне! Зачем? Ты посмотри восемь человек, всего восемь! А остальные ?? Почему? Ответь? Зачем всё это!

— Тише ты, бойцов распугаешь! шепнул ему Олег, однако те замертво лежали в высокой траве, измотанные сутками невыносимого своей скоростью Марш - Броска.

За время обороны завода, когда Саша видел ту бессмысленность каждодневной гибели товарищей, защищающих ценой своей жизни завод, и то задание, приказ к выполнению которого они так и не дождались, Синёв держал в душе боль, и вот она вырывалась из глубины его сердца. Он нёс ответственность за выполнение приказа, там на злосчастном заводе, он держался, он не имел права поддаться чувствам, ведущим к панике, и в конце концов к срыву задания. Но теперь лёжа посреди поляны, его нервы не выдержали, его мучила боль за то, что

они оставили раненных пытаясь сохранить жизни живым, бросившимся в прорыв, а сохранили жизни только этим восьми бойцам!

— Ох как больно Олег! Ведь это я отдал приказ о прорыве, я! шептал в слух Саша

— Успокойся! Ты сделал всё правильно! А это война! Слышишь война! И тихо, тихо добавил шепотом в самое ухо Синёва — Война Сашок!

Отчаянье Синёва. Украина, 1941 г. 3 июля.

Штабная машина в сопровождении трёх мотоциклистов, двигалась по асфальтированному шоссе по направлению к Киеву.

— Думаешь пролезет? — говорил ему Коров.

— Уверен Олег! Не с пустыми же руками возвращаться!

— Ну, ну! — недовольно ответил Коров. — Ну чего молчишь, Сёмко? — шепнул Коров.

— Да думаю, что зря это Саша! Всё одно проверять будут что, да как! И документам поверят ли? — резонно заметил Сёмко. — Глупо это Саша!

— Нет не глупо! Мы уничтожаем врагов! Разве те документы, что они везут, ничего не значат? — говорил Синёв.

— Может и значат, но...! — Сёмко оборвал фразу на полуслове.

— Работаем! Живых нет! — скомандовал Синёв.

Засада, что они организовали на шоссе к Киеву, была по меркам тактического боя диверсионно-разведывательной операции — безупречна. Группа работала чётко, слаженно, движения разведчиков были безупречны. Все одиннадцать бойцов группы, не раз обливавшиеся потом, насквозь промокших маск-халатов, ещё там на базе в Подмосковье, действовали чётко и слаженно, словно это был единый организм со множеством рук, ног, глаз — вооружённый «до зубов» трофейным оружием.

Немец майор, что занимался поставкой техники и боеприпасов, а также ремонтом выведенной из строя в боях танков и прочего тяжёлого вооружения, проявил недюжинную прыть.

Синёв во весь рост, решительно шёл к его машине, пока бойцы его группы работали согласно доведённого до каждого лично задания. Он сам широко распахнул дверь штабного «Хорьха», широко шагнул на асфальт, в высоких сапогах, до блеска начищенных его денщиком.

— Стой! — крикнул он приближающемуся к Синёву и выхватив из кобуры, правой рукой, «Вальтер», пытался выстрелить в грудь Синёву. Саша качнулся чуть влево, поворачиваясь всей плоскостью груди, параллельно наведённому на него стволу «Вальтера». Схватив майора за наружную часть кисти руки, сжимавшую «Вальтер», пальцы левой руки Саши стальным обручем зажали левое запястье майора, грянул выстрел, но Саша был готов к этому и правой рукой ударил по пистолету, как бы загибая ствол собственного пистолета в грудь хозяина оружия.

— А! — вскрикнул немец от боли, но коротким взмахом раскрытой ладони правой руки Саша точным ударом перебил горло майору. Немец присел от боли вперёд, зажав ушибленное место левой рукой. Саша рванул правую руку немца вверх, послышался хруст ломающихся суставов предплечья...

Короткий бой был закончен, бойцы перегнали технику в лес. Пока Коров с бойцами потрошил майора ища, документы и прочее. Синёв чуть в стороне, чтобы не видели бойцы тряс майора за грудки комбинезона.

— Ты что вытворяешь? А? Ты тряпка! Трус! Смерти ищешь? В героическом бою? Ну а мы с Олегом как? Не в счёт? Таня тоже не в счёт? Или войне конец? Трус! зло шептал ему прямо в глаза Сёмко. Саша присел у дерева обхватив голову руками.

— Где Синёв? — спросил Коров подошедшего к нему Сёмко.

— Да это... живот у него!

— Ранен??? — вскрикнул Олег.

— Да нет, травинку жевал проглотил, вот теперь беда! — улыбнулся Сёмко, глядя в глаза Олега.

— А, ну раз так... то ничего! Я кстати майора потрясу, Сашка понял его малость, тем более сговорчивее будет! — подмигнул Коров, Сёмко.

— Добро Олег! Ответил тот.

Майор морщился от нестерпимой боли в правой руке, что повисла, как плеть, он придерживал её левой рукой.

— Как вы смеете! — начал он. — Вы же офицер, Люфтваффе! — укорял Корова майор.

— Послушайте вы! Господин «Ворошиловский стрелок», давайте отвечать по существу — фамилия, звание, номер части...

— Сёмко, слышишь? — шепнул Синёв, подошедшему к нему Сёмко. — Ты прости меня! Нервы сдали!

— Ничего Саша, ничего, бывает, а теперь всё! Стоп! Приехали! Амба! — ответил ему с улыбкой Сёмко, дружески хлопая его по плечу.

— Чем там занят Олег? — напрягая зрение спросил Синёв.

— Как чем? удивился Сёмко. — Майора трясёт!

Синёв хотел было подняться, но заметил что Коров шёл прямо к ним.

— Плохи дела братцы! Устало закрыв глаза сел он рядом.

— Не конюч, толком говори. — шикнул на него Сёмко.

— Минск взяли, на Смоленск прут, Киев еле держится, там в окружении, точнее в полном окружении наши войска, про Прибалтику молчу, они на Ленинград прут! Так-то вот! — шептал им Коров.

— Вот гад! — рявкнул Синёв.

— На, читай! Коров протянул ему штабные бумаги.

— Нет, не может быть! — вылупляя глаза читал он циркуляры штаба округа. — «Вермахта» — давайте перепроверим! Это провокация! Ревел ошалело Синёв.

— Слушай командир, та травка, что ты жевал, часом не «Белена»? Что же немцы, нам специально майора подсунули, дабы напугать десяток беглых диверсантов, так что ли? — высказал ему Олег.

— Да, дела... тихо прошептал Сёмко.

— Но всё равно, он же враг! — не унимался Синёв.

— Ты устал Саша. Это бывает, бывает! — тихо прошептал Сёмко.

— Постой, как же Минск! Там же Таня?! вскочил с места Синёв. Сёмко и Коров молчали.

— Значится рано нам ещё помирать-то, а Санёк?! Неожиданно крикнул на него Сёмко. Синёв заиграл желваками скул.

— Рано, рано! процедил он сквозь зубы.

— Товарищ командир!

— Чего тебе Селиванов? подняв голову произнёс Сёмко

— Как что, я же из-под Киева! Да, «колхоз светлый путь» может быть... скороговоркой выпалила Селиванов

— А ну! всполошился Синёв, где это на карте?

— Да вот же! ткнул пальцем Селиванов в квадрат 31/40.

— У!! верст двести от отсель! произнёс Сёмко

— Да, но линия фронта.. тут Синёв замялся — свободен боец, покумекать надо!

— Есть свободен! рапортовал Селиванов.

Солнечный день играл лучами света летней листвой леса под щебет неутомных лесных птиц. Разведчики восстанавливали силы перед предстоящим марш-броском к своей «полосе», туда далеко на восток, за линию фронта. Поддерживая свои силы трофейной тушенкой, что извлекли из недр штабной машины

— Дерьмо какое-то! Наш сухой паёк лучше! недовольно ворчал Коров, лихо орудуя в содержимом жестяной банке, кинжалом десантника-парашютиста

— Вот в Киеве и пообедаем, нашим! шептал Сёмко.

— Как бы наше поперёк горла не встало! недовольно огрызнулся Коров.

Сёмко перестал есть и удивлённо посмотрел на Олега.

— Ну чего, чего, что я не прав? жестко произнёс Коров.

— Разберутся! тихо ответил Сёмко

— Угу, они-то разберутся, не унимался Коров. — Им-то, что, а нам Колыма, и то в лучшем случае!

— Олег, не трави душу и так тошно! попросил Сёмко

— Ну, а раз тошно, то может нам-то не туда, а? А как раз на запад, и Олег ткнул кинжалом в направлении запада.

— Да ты что же это?!?! — Сёмко аж вскочил.

— Ты сядь и не кипятись! Я не немцев имел в виду, а де Флера! Сумасшедший! Тихо добавил Коров.

— А! Ну так бы и сказал! ответил Сёмко. — Ну а вот этих куда? — Сёмко кивнул в сторону оставшихся в живых бойцов спец. группы

— Ты думаешь, их пожалеют? снова жёстко ответил Олег. Сёмко промолчал в ответ. — То-то! произнёс Коров.

— Так! Разговорчики! цыкнул на них Синёв — Про присягу напоминать не стану! Баста товарищи, зло скомандовал Синёв...

Командир развед. группы штаба армии генерал-полковника Павлова, майор Злобин, с группой своих бойцов находился в заданном квадрате 48/31 на окраине колхоза «Светлый путь». Разглядывая в бинокль окрестности. Суть задания сводилась к простому и ёмкому слову — «язык».

— Только офицеры! И по возможности высших чинов! — пожимая ему руку требовал полковник Сёмин. — Высших!

— Может фон Бока в плен взять? — шептал себе под нос недовольный майор, наводя бинокль то на одну группу немцев, то на другую, подъезжавших на машинах, то на мотоциклах к одиноко стоящей крепко срубленной крестьянской избе с флагом, из развевающейся свастики над крыльцом.

— Вот гады, а?

— Ты чего товарищ майор? — шепнул ему старшина Сидоров.

— Опять пленных ведут, ах ты! Что б тебя! — шипел майор.

— А вижу! — и старшина настроил бинокль.

— Мать родная! Вдруг чуть ли не вскрикнул старшина. — Майор, майор, ты глянь! — и сунул майору бинокль.

То, что увидел майор Злобин повергло его в шок...

Подбежавший к сопровождающим пленных, немецкий часовой вытянулся в струну, вскинув руку в приветствии офицера, но вдруг... Без единого выстрела они начали буквально крушить всё вокруг, расстояние и надвигающиеся сумерки не позволили Злобину рассмотреть всё в деталях, но немецкие солдаты падали как подкошенные, видимо сражённые от брошенных в них ножей, но один из немцев выскочил непонятно откуда и ринулся к бронетранспортеру, пулей заскочил в задние двери кузова Б.Т.Ра, видимо рвавшийся к пулемёту, стоявшему над крышей бронированной кабины. Однако один из нападавших оценил манёвр немца, прыгнул на борт Б.Т.Ра, чуть подтянулся на руках, и как только немец был уже готов вцепиться в рукоять пулемёта, он резким взмахом ноги, удерживаясь на борту Б.Т.Ра, ударил его в лицо носком кованного десантного ботинка, немец, вскинув руки, рухнул в чрево кузова!

Десантник, да это был именно десантник, майор понял это, видя характерные очертания немецкого комбинезона В.В.С. с надетыми поверх брюк шортами, отцепился от борта и ринулся в избу. Бревна избы рубленой из добротных стволов сосен, заглушали выстрелы, но майор Злобин слышал их, нутром слышал, шестым чувством, приглушённые pistolетные хлопки. Секунда, две, три и вот на крыльцо избы буквально вышвырнули немецкого полевого офицера в расстёгнутом кителе, тот кубарем покатился по ступенькам избы, но один из офицеров непонятной команды, атлетического сложения с невероятно широкими плечами, ловко схватил офицера за руку, присел, точным отточенным движением взвалил его словно барана на плечи и рванул со своей ношей в сторону группы Злобина, беря чуть левее по направлению к лесу. Выбежавший из избы бывший пленный на ходу, пристегивал к своей спине не огромный рюкзак, затягивая лямки на животе, чётко слаженно они рвались к лесу, видимо заранее изучив маршрут.

— Где-то я видел этот трюк с Б.Т.Р. сложный кольцевой удар? Да как чётко! словно на учениях! пронеслось у майора Злобина в голове. — Мы про них знаем, они про нас нет! словно молнией мелькнуло в голове Злобина.

— Вперёд! За ними! скомандовал майор...

Они крались преследуя группу странных десантников, словно тени, стараясь не издавать ни малейших звуков. — Тихо, тихо, не шуметь! сам себе командовал майор, отгибая ветку толстенной сосны. Вдруг из-за её ствола мелькнула тень!

Сокрушительный удар сотряс лоб майора, брызгами искр словно вылетающими из глаз, и чёрная глухая пустота.

— Ну очухался? его тряс немецкий офицер-десантник. — Злобин машинально нащупал оружие.

— Ну майор ты даёшь! веселился второй офицер, со знаками различия в чине лейтенанта немецких В.В.С. Но отсутствие оружия не так повергло в шок Злобина, как то, что его бойцы, надёжные, испытанные товарищи, мирно беседовали чуть в стороне, с немецкими десанниками! улыбаясь о чём-то беседовали.

— Ум! издал стон майор, закрыв глаза.

— Э, э, майор! Ты давай, клоунату завязывай, пришёл в себя, так не молчи! цыкнул на него первый трясший его немец.

— Гады! Толи им, толи своим бойцам, шепнул майор.

— О, он ещё и ругается! улыбнулся Сёмко.

— А что же ты хочешь, тебя бы так локтем в лоб приложили! — съязвил Коров. — Ну, ну майор, это ещё не плен, автоматик-то отдать, или как? улыбнулся Коров.

До майора едва доходило сознание происходящего.

— Вы наши?! глупо спросил он Корова.

— Нет! Немцы, мать твою! расхохотался Коров. — Кстати и немцев имеем, ну если тебе с нами скучно! продолжал улыбаться Олег.

Только сейчас Злобин заметил немецкого майора, в разорванном на груди кителе, со связанными за спиной руками, молча сидящим около ног старшины...

Спустя минут двадцать, Злобин придя в себя, заговорил со старшиной.

— Откуда они знают, что я майор? зло обратился он к старшине.

Старшина с удивлением посмотрел на майора.

— Вы товарищ майор, аэродром в Тушино, аккурат в 40 году помните? загадочно произнёс старшина.

— И что с того? зло шептал майор.

— Ну, а бойцов, что с нами десантировались на учениях округа, помните? шептал ему старшина.

— Да так! растерянно произнёс Злобин.

— Селиванов, Давыденко, Никифоров, они на часах, майор! На наших часах!

— Где?

Старшина с удивлением посмотрел на Злобина.

— Ну а эти? и майор зло посмотрел на Корова, Сёмко и Синёва.

— А эти, „первый“, „второй“ и „третий“! шепнул старшина.

— Как? Это же могут быть...! возмутился Злобин.

— Не могут! шепнул старшина. — Они ещё до войны с ними! Так-то вот майор, к слову сказать бойцы-то их не знают, но они офицеры Н.К.Г.Б. так наверное, и звание не менее вашего видать, так что ты товарищ Злобин не распыляйся! уже зло шепнул старшина.

— Дьяченко! рявкнул на него Злобин.

— Виноват товарищ майор! ответил в ответ старшина...

Линию фронта пересекли без осложнений, Злобин вёл группу по известному ему проходу по минному полю.

— Ну наконец-то свои! радостно шепнул Коров падая в окопы переднего края...

— Ну и что же дальше? говорил майор особого отдела Н.К.В.Д. при штабе армии — Что мне с вами делать прикажите? зло шипел он. — Не могу я вас отправить в Москву! Не могу!

— Послушай майор! Ты в своём уме? вызывающе ответил ему Коров.

— Пойдёмте! и майор вывел Синёва из блиндажа укреплённого района штаба армии.

— Синёв! Я скажу тебе, скажу, потому что..., ладно, короче, мы в окружении! Ну чего ты вытупился? Приказ держаться до последнего, но мы... Так слушай дальше, Голикова того...!

— Как??? вскрикнул Саша — За что??

— За то что войну прозевал! Ясно тебе Синёв! зло шептал майор. — Так что выбирайтесь сами, вам помочь не можем... Павлова... в Москву вызывают, но не могу же я вас с ним отправить! Да если честно, вам с ним лететь не стоит, не стоит Синёв! Так-то вот, разведчик! и майор бросив сигарету зашёл в блиндаж, оставив Синёва одного.

— Так...! растерянно выдохнул Саша.

Три дня они жили в расположении развед. роты.

— Вас вызывают в штаб! — выкрикнул дневальный, подойдя к разведчикам.

— Синёв, Коров, Сёмко! Вы летите срочно в Москву! — и майор грустно добавил. — С Павловым! — он пряча взгляд от Синёва тихо шепнул ему. — По слухам Заев арестован, так что держись! Я написал вам благодарность от лица командования за помощь в выполнении задания развед. роты, но это... сам понимаешь Синёв.

— Рисковый ты мужик майор! — с благодарностью ответил Синёв.

— Нет Саша, просто жить осталось... а я и так дров наломал, так что держитесь мужики...

Спец. аэродром в Подмоскowie принял борт с командованием армии, злыми взглядами сотрудников Н.К.В.Д. Корову, Синёву, Сёмко, одели наручники прямо при выходе с трапа самолёта. Павлов обернулся грустно глядя им в след, его в сопровождении сотрудников Н.К.В.Д. усадили в чёрную правительственную машину с зашторенными белой материей стёклами, подрулившей к трапу самолёта...

1941 г. 20 августа. Москва. Лубянка.

— Ну, и почему, ты сволочь, не выполнила задание? Я тебя спрашиваю, ты рожа предательская! — молоденький капитан Н.К.В.Д., словно боксёр методично избивал Синёва. Его лицо давно уже превратилось в кровавое месиво, тело болело словно ноющий зуб, от методичных побоев.

— Я не получил приказ! — тихо ответил Синёв.

— Это какой же приказ? — от Голикова? Или от этой мрази Заева? Таких же предателей, как и ты? Сволочь! — ревел следователь. — Повторяю, где, когда и кем ты был завербован — мразь! — ревел следователь.

— Послушай ты! отвечал ему Синёв — мы не покидали территорию спец. лагеря, можешь ты это понять?

— Да? А с Заевым? Голиковым? Вы тоже не общались, сволочи? — отвечай!

— Общались! — выдохнул Синёв.

— Ну это уже другое дело! — весело произнёс капитан Н.К.В.Д. — Значит так и запишем, вступали в связь с предателем Родиной, бывшим полковником объединённой группы Н.К.Г.Б. Заевым? Так, верно? — улыбнулся следователь.

— Только служебные отношения, тварь! — выкрикнул Синёв.

Следователь вскочил со стула и набросился на Синёва избивая его руками и ногами...

Лёжа на бетонном полу в тёмной сырой камере в подвале Лубянки, Синёв думал о том, почему? — За что? Эти гады хотят списать на нас провал задания? Но зачем? Зачем-же крутить, крушить и без того, растерзанные остатки наших армий, зачем? Что же они немцам помогают? А как ещё это понять??? Что творилось у него в голове. — Если я не враг, если я не предавал, то те, кто терзают меня, на чьей же они стороне? Ошибка? Чудовищная, нелепая ошибка? Не может быть! — стонал Синёв.

1941 г. 21 августа. Москва. Кремль.

— Товарищ Сталин, это единственная группа, не считая полковника Чуева, которая выполнила задание тогда 22 июня! — чётко говорил Борис Михайлович Шапошников. Он хотел было сказать, что если бы был отдан тогда приказ, то многое могло бы быть по-другому, но промолчал, ибо понимал — это укор ему Сталину.

— Борис Михайлович, ну а если они признались, в измене, там, и он махнул трубкой в сторону окна, там на Лубянке.

— Не верю товарищ Сталин, не верю! — ответил Шапошников...

...Нет, ты скажешь! Всё скажешь! Как документы липовые в штаб армии Павлову под-
сунули! Нет ты мне расскажешь, и где это вы шлялись по тылам у немцев, гады, фашистские
прихвостни.

— Да пошёл ты! — ответил прямо в лицо следователю Н.К.В.Д. Сёмко.

— Это правильно Сёмко это верно, — я пойду, но ты поползёшь мразь!

Его избивали пятые сутки, требуя признаться в связи с «Абвером», в предательстве
Синёва, в довоенных связях с разведкой Франции. Его второй день подряд уже носили на
допросы, сам идти он не мог.

— Ну хорошо! Признание Синёва есть, Корова тоже, так, что твоё упрямство мне без-
различно. Последний раз спрашиваю, Сёмко! Будешь говорить? — визжал следователь в лицо
Сёмко, еле-еле стоящему на ногах. — Молчишь! — Расстрелять! снова взвизгнул следователь,
— Туда же вслед за Павловым в коридор его!

— Туннель, последний туннель в моей жизни, впереди свет, всё точно, так и должно
быть! — шептал себе Сёмко, еле-еле передвигая ногами, ступая по узкому коридору в подвал
Лубянки, царапая шершавую штукатурку в кровь сдирая ногти. — Ещё шаг, ещё, вот и всё!
Мало пожил это верно, зато мукам конец! Шептал себе Сёмко, снова с усилием делая шаг. —
Вот! Шепнул он, услыша чёткий стук каблучков кованых сапог, за своей спиной, звук рассте-
гиваемой кобуры, щелчок взведённого курка. — Ну чего? Руки трясутся? Стреляй сука! — с
хрипом в горле выкрикнул Сёмко.

Он вскинул голову и всё тело обмякло, искрами в голове, гася остатки сознания...

— Ну и где он? — шептал недовольный Синёв Корову.

— Не знаю, товарищ командир! — отвечал Олег.

— Не знаю товарищ командир! — передразнил его Синёв. — Тоже мне разведчик!

— Между прочим, Саша, это больница, а не как не белорусские болота! — пробормотал
Олег.

Они наконец, разыскали воен. врача первого ранга.

— Товарищ военврач, мы к Сёмко, помогите пожалуйста? подобострастно, заглядывая
в глаза врачу, шептал Олег. — Ведь нам сказали только вы можете помочь! льстил Олег.

— Идёмте! — вздохнул воен. врач, что спал урывками, вторые сутки. — Пять минут!
Слышите?! Пять минут! — шептал Синёву воен. врач.

— Ясно! — тихо за Синёва ответил Олег.

У, а мы то думали, что тебя того! Улыбаясь во весь рот с коридора, войдя в палату крик-
нул Коров.

— Ага! Размечтался! Вместо приветствия, ответил Сёмко.

Саша и Олег обнимали его, его лежавшего на кровати, перебинтованного, словно после
ожёга.

— Так-то вот братцы! — выдохнул Сёмко.
Синёв сидел рядом, едва сдерживая слёзы.

— Я гляжу и вам досталось? — шептал Сёмко.

— Пустяки! По сравнению... — Олег хотел сказать с тобой, но передумал и тихо добавил, почти на ухо Сёмко. — По сравнению с Мировой революцией!

Они заулыбались, нервно, надрывно, над вообще-то глупой и неуместной шуткой Корова...

— У дед! Да тебе ещё жениться можно! — обнимая «девятого» прошептал ему в ухо Коров. Дед уронил слезу совсем по-старчески тряся губами.

— Ну вот тебе на! Старался поддержать его Синёв.

— Сёмко-то... — и дед погладил его по чуть поседевшим вискам.

— Ты то как дед? — улыбнулся Сёмко.

— Да как, как! — «девятый» в сердцах плюнул.

В расположение казармы спец. лагеря Н.К.В.Д. вошёл Заев. Он хромал опираясь на трость, левая рука была на чёрной подвязки. Все вскочили со своих мест.

— Здравия желаем! Товарищ, полковник!

— Здорово молодцы! Садитесь, а то не узнаю вас! Тут тебе и дисциплина, и выправка!
— улыбнулся Заев.

— Вы-то как товарищ, полковник? — обратился Синёв.

— Авария Синёв, авария! Ответил всем громким голосом Заев. — Ну что приуныли? Работаем ребята! — улыбнулся он.

1941 г. 10 ноября. Кремль.

— Замечена общая паника среди местного населения, прилегающего к прифронтовой полосе районов. Движение колонн с техникой порой тормозят нескончаемые колонны беженцев, среди которых легко затеряться шпионам и диверсантам, в том числе. Панику усиливают слухи о появлении в районе квадрата 45/61 Ленинградской области «сверх-солдат» Германии так называемого спец. подразделения „Атланты“. Эти слухи усиливают появление этих солдат в квадрате 45/65, 45/63, 45/64. Не исключено, что массовое количество этих так называемых „Атлантов“ сильно преувеличено паникёрами и прочее, но паника и массовое бегство населения мешающая подготовке и общему наступлению — это факт! Товарищ Сталин!

Абакумов закончил краткую характеристику происходящих событий.

— Ну и каково же ваше мнение товарищ Абакумов?

— Я понимаю, что до войны у нас были такие специалисты, которые сокрушали этих, как вы говорите: „Атлантов“. Где же они? И Сталин повернулся к Берии, пристально глядя ему в глаза.

— Товарищ Сталин, они готовы выполнить любое задание партии и тем более приказ!
— ответил Берия.

Сталин выразительно посмотрел на Шапошникова.

— Борис Михайлович, а вы лично того же мнения?

— Не сомневаюсь, товарищ Сталин, тем более они, то есть группа Синёва, и он обернулся к Берии, после некоторых недоразумений, упорно тренируются сами, для выполнения известного лично вам товарищ Сталин особого задания. Однако мы вместе с генералом Абакумовым разработали комплекс мер, по приданию их группе необходимого вооружения и людских резервов.

— Что ещё Борис Михайлович? — проникновенно спросил Сталин.

— Товарищ Сталин, я бы хотел это обсудить лично с вами в присутствии Абакумова.

— Все свободны товарищи! после длительной паузы произнёс Сталин. Абакумов останется, мы ещё раз обсудим ваш доклад.

Пока Абакумов, сверял свой доклад, с картой военных действий, висевшей на стене в кабинете Сталина, Шапошников подойдя к Сталину стоящему у окна произнёс в пол голоса.

— Товарищ Сталин, я хотел бы вам напомнить, что группа Синёва и танкисты Чуева, тогда, 22 июня в точности исполнили приказ, хотя ген. штаб и медлил с решительными действиями...

Сталин перебил его фразой.

— Просите!

— Товарищ Сталин, вот список лиц, которых надо немедленно освободить, от так скажем следствия! И Шапошников протянул ему лист бумаги.

— Я так и думал... Чуев и оставшиеся бойцы, бывшей группы Синёва, - тихо произнёс Сталин.

— Что ещё? Борис Михайлович! Промолвил Сталин.

— Руководство операцией, я прошу возложить на генерала Абакумова и на меня лично, товарищ Сталин! — ответил Шапошников.

— И ответственность! — Сталин жёстко посмотрел в сторону Абакумова.

— Разумеется товарищ Сталин и персональную ответственность без вмешательства прочих лиц, товарищ Сталин! — произнёс Шапошников.

Сталин посмотрел с удивлением в глаза Шапошникова.

— Вам мешают работать? Борис Михайлович! Кто? — спросил Сталин.

— Да нет, товарищ Сталин, нам никто не мешает, иной раз только помощь некоторых особо рьяных товарищей, вредит общему делу! — закончил Борис Михайлович.

— Ну хорошо, товарищ Шапошников, берите это дело в свои руки, а вас товарищ Абакумов, партия наделяет особыми полномочиями! — громко сказал он, ткнув трубкой в сторону Абакумова, стоявшего возле карты. — Что ещё, товарищи?

В ответ стояла тишина.

— Желаю удачи! — произнёс Сталин и отвернулся к окну...

1941 г. 1 октября. Ленинградская обл., район «Ясной поляны».

Они шли, раскачиваясь огромными телами, подобные верхушкам вековых сосен, на фоне покосившихся крестов заброшенного кладбища, что стояло на их пути, они выглядели особенно зловеще. Слева и справа от них грохотали моторами немецкие танки. Расчёт что копошился около „сорокапятки“ единственного орудия, которое прикрывало дорогу на танкоопасном направлении, замер видя наступающих „Атлантов“.

— Мама! — произнёс молоденький совсем ещё юный красноармеец и неистово крестясь сел на землю держа снаряд в руке.

Пятеро огромных великанов, в чёрных эсесовских плащах двигались прямо на них. Младший лейтенант артиллерист, только что окончивший курсы Р.К.К.А. и теперь командовавший артиллерийским расчётом, остолбенел от увиденного. Он словно в бреду пытался

нащупать правой рукой бинокль, висевший у него на груди. Время было упущено! Секунды боя, что порой спасали жизни бойцам, были утеряны!

Т-3, оценил это замешательство, и немецкий танк, лязгая траками, чуть развернулся и выстрелил из орудия в направлении расчёта пушки. Снаряд «лёг» в трёх метрах от орудия...

— Ты сволочь трусливая, просто сбежал с поля боя! Сбежал! А собираешь мне басни про великанов! — ревел в лицо трясущемуся от контузии и страха младшему лейтенанту-артиллеристу старший следователь особого отдела штаба армии. Лейтенант шептал одно и то же:

— Я видел сам! Сам! — тряся рукой, подписывая листы, что положил перед ним особист.

— Бельчинко! — громко крикнул вошедший капитан Н.К.В.Д., особисту — Куда ты его?

— В расход гада! — шепнул особист.

— Выйди покурить, артиллерист! — приказным тоном произнёс капитан.

— Слышишь, Бельчинко, тут такая петрушка получается, вот донесения разведчиков, со слов местного населения, видели и они этих великанов в форме С.С.

— Да? — удивился Бельчинко. — Сговорились сволочи! — подытожил он.

— Так это было в квадрате 65/40!

— Как? — удивился Бельчинко.

— А вот так! — рявкнул капитан Н.К.В.Д. — Так что ты с этим щенком повремени, мало ли что! Ну бывай! — и капитан, держа свои бумаги в руке, быстрым шагом удалился прочь.

— Ну дела! — задумчиво шепнул Бельчинко. — Чёрте что!... — плюнул он и дал команду ввести артиллериста.

— Так ты говоришь, великаны, росту метров пять? — схватил он за грудки младшего лейтенанта-артиллериста.

— Да, да, да, никак не меньше! — совсем по-детски хлопая глазами, не то молил, не то шептал тот.

— Ух! — рявкнул Бельчинко. — Ну если врёшь, сука! — ревел он.

— Нет, нет, нет, товарищ... — тут артиллерист осёкся и, плача, добавил: — гражданин...

Слухи об огромных великанах-эсэсовцах распространялись с быстротой молнии, якобы выходящих из могил и пожирающих мертвецов, и прочей нелепостью, бредом и так далее. Однако это вызывало действие, но не без помощи распространителей слухов, а это уже попало в шпионско-диверсионную сеть. От того-то на особый отдел Н.К.В.Д. при штабе армии легла дополнительная нагрузка.

1941 г. 15 октября. Ленинградская область.

Бесконечный обоз и тянувшихся друг за другом телег двигался по дороге, размытой мелким надоедливом дождём.

— Ох, Слава Богу, что немцы в такую погоду не летают! — крестился, сидя на подводе, старенький дед, уже вкусивший в полной мере бомбёжку.

— А, а, а! — дикий визг отвлёк мысли деда.

— Что там, Прасковья? — толкнул он в бок дремавшую на телеге сноху. Та открыла глаза, прямо на них неслась толпа беженцев, шедшая впереди колонны.

— Боже мой! — выкрикнула Прасковья. Там в дали словно огромные тени, подобные высоким чёрным горам, прямо на них двигались невероятной величины люди. Это были немцы, но она видела их много раз, то обходя занятые деревни, то прячась в кустах вдоль лесных дорог, пропуская взглядом бесконечные колонны немецких солдат и техники. Но эти двое солдат, шедшие прямо на них, казалось, закрывали само небо, перегородив всё пространство лесной дороги, гоня перед собой насмерть перепуганных людей.

— А, а, а! — завизжала она в оцепенении.

Великаны приближались, они молча, не обращая внимания на крики и панику огромной толпы, гнали её прочь от себя. От страха, сжавшего её сердце, она сидела неподвижно на телеге, вот-вот и великаны в чёрных плащах поравняются с ними, но они остановились в пяти метрах от их повозки, безразличным взглядом окинув их с дедом телегу, медленно, не торопливо, прямо мимо них свернули в лес. Они шли мимо вековых сосен, словно сквозь кусты, раздвигая верхушки деревьев, словно бы расчищая себе путь.

— Боже мой! — шептала крестясь Прасковья, сидя в оцепенении.

1941 г. 1 ноября. Спец. база Н.К.В.Д. Подмосковье

— Селиванов, Диденко, Прохоров!

— И всё?! — удивлённо произнёс Синёв.

Заев смерил его взглядом. Синёв в ответ опустил глаза.

— Кстати вам, танкиста дали лихого, боевой мужик! Тоже как и вы... — тут Заев осёкся.

— Короче сами разберётесь, знакомьтесь майор Чуев! Александр Леонидович! — с улыбкой добавил Заев.

— Танк-то хоть хороший дадут или так, из фанеры? — зло шепнул Синёв.

— Танк отличный, немецкий Т-3! — улыбнулся Заев.

— Тьфу! — отозвался Сёмко.

Заев, не обращая на это внимания, обратился к Чуеву:

— Справитесь с Т-3?

— Так точно гражданин полковник! — чётко ответил Чуев.

— Ну зачем же так официально, мы тут одна семья, это разведка, майор! — улыбнулся вновь Заев.

— Слушаюсь, гражданин полковник! — ответил он.

— Да! — многозначительно произнёс Сёмко.

— Ты это Александр Леонидович, что в стороне-то присел? — спросил Сёмко громким голосом.

— Ничего, ничего, кушайте, гражданин начальник! — ответил Чуев.

Сёмко молча встал, подошёл к Чуеву, схватил его в охапку, подтащил к столу — во первых, я тебе не гражданин, и тем более не начальник, во вторых...

— Я враг народа! перебил его Чуев

— Во вторых! повысил голос Сёмко, и вдруг улыбнувшись сказал — Кушай майор, кушай.

Прошёл вечер, разведка разлеглась по своим местам, укрывшись одеялами, отбой.

— Ну Селиванов, а дальше что? спрашивал его Синёв

— А дальше товарищ "первый", меня в штаб, там в оборот взяли, мол так и так, Синёв то есть вы товарищ "первый" — враг! Даже признание ваше показывали, ну я не выдержал и подписал...

— Что же ты кулаков испугался Селиванов?

— Нет, что вы товарищ "первый", нет, я не в жись, да только признание ваше...

— Так, ясно, а что же остальные? шепнул Синёв

— Серёгу, Сашку, Андрея... всех...! и накрывшись с головой одеялом тихо заплакал.

— Ладно тебе Селиванов, ладно кончай! с горечью в голосе прошептал Синёв.

...Держались Сёмко, держались как могли, уже не было снарядов, всё! Обоим в ТТ и всё, но платсдарм держали, держали Сёмко!

— Ну, а немцы что? шептал Сёмко

— А, и сдаться предлагали, и ультиматум ставили, даже оркестр привезли, и оружие сохранить обещали! восклицал майор

— Ну а вы что?

— Ну а мы то? что мы? Рация молчит, приказа нет, мы на двадцать вёрст в тылу у немцев! Вот тебе и мы!

— Ну а дальше, майор? шепнул Сёмко

— Дальше? горько вздохнул майор, — Дальше! А дальше на последних каплях горючего, на таран пошли, а мы уж по ихним костям считай, вырвались, Сёмко! Так-то вот! — Потом меня, как труса и дезертира, да ещё и окруженца в Н.К.В.Д. особого отдела штаба армии!... Чуев затих, длинную паузу прервал Сёмко

— Подписал? тихо шепнул он.

— Да, ещё тише ответил Чуев.

После долгой паузы Сёмко прибавил — Ты это майор, с "гражданином начальником" завязывай! Братья мы! Усёк! Братья разведчики майор! Спи давай Александр Леонидович, завтра с нас Синёв три шкуры сдерёт!

Чуев напрягся, — Полигон! Раскудрит его в качели! улыбнулся Сёмко.

6:00 Утро 2 ноября.

— Селиванов? Радость моя! крикнул Синёв, — Долго спим! Все за мной, кроме Чуева! Встать бегом марш.

— Началось! недовольно бурчал Сёмко.

Ровно в четырнадцать ноль, ноль в расположение казармы вошёл полковник Заев.

— Здравствуйте товарищи! С улыбкой произнёс он. Сегодня по плану учения, мы будем отрабатывать взаимодействия разведки с танками. Вопросы?

— Всё ясно товарищ Заев! Недовольно шепнул Сёмко

— Работаем! Скомандовал Синёв.

1941 г. Берлин 20 сентября.

— И так подведём итог господин Канарис! произнёс Ромель. — gigantes (или точнее gigantismus). Как говорится на немецком языке. Аномальный рост человека или животного, превышающий характерную для вида норму... - А вот ещё! уточнил Ромель, читая большой белый лист — вызывается нарушением деятельности внутренних желёз внутренней секреции, главным образом гипофиза щитовидной и половых желёз. — Акромегалия от греческого акрон конечность и megas, обусловленной избыточной продукцией гормона роста. Возникает преимущественно после завершения роста организма — увеличение конечностей, нижней челюсти и так далее. — Далее Канарис, в Греческой мифологии чудовищные великаны рождённые богиней земли Геей, от капель крови Бога неба Урана, восстали против олимпийских Богов, были с помощью Геракла низвергнуты в глубь земли.

— Кажется я что-то такое припоминаю! шепнул Канарис. Помнится в музее античности, или точнее в античном собрании в Берлине хранится подобное изображение на фризе алтаря Зевса.

— Именно адмирал! произнёс Ромель.

— Ох уж эти мне греки, Эрвин! улыбнулся Канарис. — одно не ясно, друг мой, зачем вы мне это читаете? Я как вам известно, знаю это не хуже вас Ромель, тем более, что доктор Клаус занимался если хотите решением и отчасти воспитанием этих с позволения сказать «Атлантов», под нашим с вами руководством, Эрвин!

— О нет, нет дорогой друг, это фрагмент отчёта о деятельности нашей с вами, и о операции в целом! Так что все, если хотите сказать „дивиденды“, здесь получены, то есть русские в своё время ввязались в эту авантюру и это повлияло на некоторые успехи на фронте. Более того, они нам больше не нужны, так что я бы хотел вместе с вами разработать незначительную операцию в сущности инициативного характера, в целях устранения противника вот на этом участке фронта, адмирал! Ромель разложил карту Ленинградской области.

— Позвольте, а инициатива это чья? разведки? или... переспросил Канарис.

— О, нет, нет, все лавры мы с вами уже получили, но вот фон Лейб, что-то там затягивает с Ленинградом, и нам было-бы не без интересно посеять панику среди мирного населения, ну или хотя бы попытаться сделать это, и кстати сказать, что при массовой панике среди окруженцев, вашей разведке работать по заброски в тыл противника, диверсантов будет гораздо легче! Не так ли адмирал? вскинув голову произнёс Ромель.

— Да, это последний дивиденд от этого человеческого хлама, Эрвин! кивнул Канарис.
1941 г. 3 ноября, спец база Н.К.В.Д. Подмосковье

— Как настроение? Абакумов похлопал по плечу вышедшему ему навстречу, полковника.

— Нормальное, товарищ генерал, нормальное! ответил он.

— Нормальное, это не ответ, полковник!

— Боевое! улыбнулся полковник.

— Ато видишь ли, «нормальное»! ну веди в свои катакомбы, Заев, времени очень мало, очень! произнёс Абакумов.

Они проследовали в кабинет Заева.

— Чаю? крикнул дневальному Заев.

Абакумов сел за стол в кабинете Заева — а ничего у тебя тут, а Заев? ну чего молчишь-то, друг ситный? жёстко произнёс Абакумов. — ты читал донесения о «великанах» с Ленинградского фронта? произнёс он.

— Так точно товарищ генерал! ответил Заев.

— Так точно, товарищ генерал!!! ты мне это прекращай, полковник! повысил голос Абакумов — лично я головой отвечаю за операцию, а ты между прочем за её выполнение! ткнул пальцем в грудь Заева, Абакумов. — Давай по существу!

— Ещё до войны, мы работали по «Атлантам», была такая база в Пскове, у немцев, кое-какой опыт есть! загадочно произнёс Заев.

— Так не крути, полковник! короче! жёстко произнёс Абакумов.

— А если короче, то Сёмко, лично знает, что это за «зверь такой»! произнёс Заев.

— Как лично? вскочил Абакумов. — Лично?? вскрикнул он.

— Именно, товарищ генерал! чётко произнёс Заев.

— Ну и где этот Сёмко? рявкнул Абакумов — Постой, видимо там же, где и Голиков! С горечью в голосе сделал предположение генерал.

— Нет, товарищ генерал, он жив и входит в состав развед. группы!

— Ну брат, с тобой посидеешь, я ведь неделю как вступил в должность, так что сам понимаешь, не в курсе, но ты-то я думаю, своих людей знаешь? Полковник! громко произнёс Абакумов.

— Знаю товарищ генерал, ещё до войны знал! тихо шепнул Заев.

— Ты это брось, после обиды будут, после, а теперь не до...! Ну ладно, что ещё докладывай!

— Нам нужен толковый огнемётчик, товарищ генерал! громко и чётко произнёс Заев.

— Не вопрос, полковник, не вопрос, далее? спросил он имея в виду просьбы.

— Всё товарищ генерал, а остальное сами! чётко доложил Заев.

— Добро, полковник, добро! Ты только пойми меня правильно, если что, то после меня ты полетишь... Да не пугаю я тебя, Заев, нет, правду тебе говорю, вижу работать нам с тобой ещё очень долго, очень! дружески улыбнувшись, добавил Абакумов...

1941 г. 20 ноября. Ленинградская область. Район боевых действий.

— Итак, товарищи, линию фронта будете форсировать вот в этом районе, здесь, ни у немцев, ни у нас к сожалению нет сплошной линии обороны! Подвёл итог сложившейся ситуации начальник штаба 102-й стрелковой дивизии, Климов. — Ну что же, в двадцать три ноль-ноль, действуйте товарищи! Желаю успеха! пожал он руку Синёву.

— Значит, вы имитируете боевые действия вот в этом квадрате! уточнил Синёв, указывая на карте квадрат 65/43.

— Так точно, товарищи, мы проведём артподготовку и вы должны успеть, что называется проскочить, на всё про всё, у вас минут сорок, не более! уточнил Климов.

— Добро! успеем! произнёс Синёв.

— Так район совхоза «Коммунар», как раз выйдете в тыл этим «чудовищам», товарищи разведчики, их именно тут встречали последний раз? задумчиво произнёс Климов. — Да именно тут! Шепнул он облокотясь от усталости локтем на развёрнутую карту, лежавшую на столе, офицерского блиндажа...

Зелёная ракета, оставляя белую полосу в ночном небе, взмыла вверх, освещая мрак тяжёлых облаков, и тотчас словно повинувшись призыву зелёной светящейся точке завывли дивизионные пушки.

— Вперёд! Работаем ребята! скомандовал Синёв, влезая на броню немецкого Т-3. Рассекая гусеницами снег, машина рванула по заранее выверенному маршруту в тыл немцам.

Чуев вёл машину ровно, используя рельеф местности, пряча танк за холмами, продвигаясь к лесной дороге.

— Стоп! Синёв постучал Чуеву остановиться.

— Ты чего командир? высунулся из башни Чуев.

— Спрячем танк вон туда! показал рукой Синёв, сиюсь перекричать рёв мотора.

— Добро, командир! кивнул Чуев.

Танк развернули орудием по направлению «дорога», замаскировав танк лапами елей.

— Так, Сёмко? Сверим часы! подозвал его жестом Синёв. Мы вот в этом квадрате, поиски начинаем по схеме: юг, север, запад. Сбор тут, ну а дальше у кого что! Ясно?

— Так точно, товарищ командир.

— Так, огнемётчик пока у танка! Не расслабляться особо!

— Да вы что? Товарищ командир! Виновато шепнул Антонов. Лучший огнемётчик, кого смог отыскать почитай со всего фронта Чуев.

— Всё! Работаем! Скомандовал Синёв...

Синёв и Селиванов, тщательно исследовали свой квадрат, определённый как место поиска — безрезультатно, ни следов, ни малейшего намека на присутствие "Атлантов" не было. Несколько раз они натыкались на немецкие патрули, но это был обычный патруль N-ской части немцев, ничего подозрительного, ни малейшего намека

— Вот чёрт! Ну где же вы, а? зло шептал Синёв, рассматривая в бинокль одиноко стоявшую на окраине села избу в заданном районе поиска. — Ладно! Домой! приказал он...

— Ну Сёмко? спросил Синёв поджидавшего Сёмко и Диденко.

— Тишина командир! выдохнул тот, захватив ладонью снег.

Синёв недовольно отвернулся в сторону — Чёрт! Где же они?

— Поешьте, товарищ командир! улыбнулся Чуев, протягивая ему тёплую банку с тушёнкой.

Минуты ожидания Корова длились бесконечно

— Сёмко! подозвал его Синёв.

— Саша, успокойся, Олег вёрткий малый, не трави ты себе душу! без предисловия начал он.

Синёв выдохнул задрал голову к верхушкам елей, словно прося низко бегущие облака о помощи...

Разбивая снег мощными шагами, разбрасывая брызги пушистого снега, к точке дислокации группы бежал Прохоров. — Есть! Есть! Командир! радостно крикнул он. — Есть!

— Где "третий"? с тревогой спросил Синёв.

— На месте командир! Все в добром! тяжело дыша улыбался Прохоров.

— Где? Синёв сунул ему карту

Прохоров упершись ладонями в колени, согнувшись в поясе, выдохнул — Ух!

— Ну!? спросил его Синёв поднося карту к самому лицу Прохорова.

— Вот командир! Тут! выдохнул тот.

— Так! Ясно! зло шепнул Синёв. — Это самая оживлённая дорога с эвакуируемыми! Вот гады!... Ну ладно! На "заправься!" и Синёв передал Прохорову банку тушёнки.

— Не.. командир, я бы попил чего! прошептал тот...

— Чуев! Чуев, где ты? недовольно звал его Синёв.

— Ты чего командир? удивился тот, выходя из-за спины Сёмко.

— Быстренько, майор, прикинь, как лучше твоей "коробочке", вот сюда нырнуть! про-изнёс Синёв. — Да так, что бы...! Ну сам понимаешь! поднял на него глаза Александр.

— Сделаем командир! ответил майор Чуев...

— Так! Обедают сволочи! Глянько Сёмко! и Синёв обернулся к нему

— Вижу! Вижу, командир! тихо ответил тот, глядя в бинокль на расположившихся в лесу, группу немецких автоматчиков в белой камуфляжной форме.

— А что они горбатые-то, а? удивился Синёв

— То не горбы Саша, то огнемёты! тихо ответил Сёмко разглядывая группу. — А, а, вот и они!

Синёв видел следы невероятного размера, но то что он увидел в бинокль направленный рукой Сёмко, потрясло его воображение.

— Вот это да! шепнул он.

— Не дрейфь, командир, они же ручные! улыбнулся Сёмко.

Огромная белая скала, в невероятных размеров белой каске с рожками, двинулась из глубины леса к группе немецких автоматчиков, те что-то дали ему.

— Вот это да! Впечатляет! произнёс Синёв. — Олег! Вариант номер три! произнёс Синёв. — Работаем ребята! и дал знак остальным...

Бой был скоротечен, и каждый выполняя свою часть работы, делал это с предельным вниманием, но и немцы были готовы и к внезапной атаке тоже...

— Антонов не спи! шептал Сёмко. — Тихо пацан, тихо! командовал Сёмко. — Давай! рявкнул он.

Мощная ревущая пламенем струя выпущенная огнемётом, летела в своей разящей силе в сторону „Атлантов“, те издавая гортанные звуки ужаса, ринулись врассыпную. — Отлично Антонов, пять! вскакивая с места крикнул Сёмко...

— Нет не уйдёшь гад, тогда не ушёл и сейчас не сорвёшься! кричал сам себе Сёмко, преследуя одуревшего от страха перед огнемётом мечущегося „Атланта“.

Сёмко преследовал, по пушистому снегу огромную спину бежавшего из стороны в сторону гиганта, тот потерял ориентацию, и издавая горлом призывные звуки, метался по лесу в совершенной прострации.

— Всё родной, всё!

Как только „Атлант“ вырвался на пространство, где росли лишь маленькие ели, грянула очередь выпущенная по его огромным словно белые столбы ногам, из автомата Сёмко.

— Ну вот добре, хлопчик! выдохнул Сёмко. — Не будешь баб с ребятишками страшать, сука! шептал Сёмко. Но „Атлант“ перевернувшись на спину, ревя словно раненный слон, стал огромными кулаками сокрушать себе грудь.

— Ни чего, перебесится! выдохнул Сёмко и побежал к своей группе выполняя оставшуюся часть задания...

— Саша!!! — крикнул Сёмко. Прямо на него мелькая за стволами огромных сосен, волоча автомат по снегу, брёл Синёв. — Ранен ??? Куда... Саша!

— Баба, баба, проклятая сука! ревел Синёв, едва сдерживая слёзы.

— Синёв! Синёв! — кричал Сёмко, тряхнув Сашу за грудки белого камуфляжа.

— Он застрелился! Слышишь!? Застрелился гад! — рывкнул Синёв.

— Кто? — ошалело вращая глазами шепнул Сёмко...

Синёв вычислил командира группы автоматчиков, он сразу приметил человека в белом камуфляже, которому все передавали еду, и он в завершении всего, лёгким кивком головы, отдавал распоряжение одному из своих автоматчиков, дать что-то подошедшему к ним „Атланту“.

Саша гнал его по снегу, словно волк, идущий по следам раненого оленя. — Селиванов, живых нет! — скомандовал он, и теперь слышал за спиной чёткие сухие выстрелы трёхлинейки, со снайперским прицелом. — Нет, дружок, ты не уйдёшь, возьму, возьму, гад. Синёв настигал его изредка ударяя короткими очередями, то слева, то справа от немца, выводя его на открытое пространство. — Нет, дружок, ты мой! — шептал Синёв. Вот она последняя твоя сосенка! — зло оскалился Синёв. Немец юркнул за неё прижавшись спиной к огромному стволу, вековой сосны. — Ну отдохни, „дух свой фашистский“ переведи, а потом... И вдруг грянул выстрел. — Чей-то он ?? Как-то растерянно крикнул Синёв, и, рванулся к сосне. — Гад! взревел он, немец сидел под сосной, прижавшись спиной к стволу, огромного дерева широко раскинув ноги, его подбородок опалил нагар выстрела, автомат упёрся обоймой в левое плечо, немец закатил глаза, из под белой каски текли на лицо алые струйки крови, стекая по губам, пачкая своей влагой белый камуфляж.

— А, а, а! Гад! — ревел Синёв. — Ничего себе улов, — раскрыв от удивления рот, шепнул Чуев.

— Ты помогай, давай! Тоже мне зевака! — недовольно пробурчал Коров, привязывая труп „Атланта“ убитого Сёмко к импровизированным саням из стволов елей. — Вот и попрёшь, на танке-то веселей?!

— Да уж точно, повозка ему маловата! Делал заключение Чуев.

Танк буквально полз по следам впереди идущей разведки, сейчас его задача была доставить груз, доставить любой ценой, ибо это был приказ, приказ командира Синёва, а приказы как известно не обсуждают.

— Стоп! дал знак Чуеву Синёв, глядевшего сейчас на своего командира, через окуляры танкового прицела. — Там дальше поле! Мы глянем! Ты на чеку будь Чуев, а груз доставь! Всё! Работаем...

— Что ещё? — спросил Синёв, подошедшего к нему Сёмко.

— Танк командир!

— Где?

— Вот тут! Аккурат на нашем пути, сволочь такая! Решение командир?! Жёстко произнёс Сёмко.

— Работаем! — ответил ему Синёв.

— Больше гранат нет! — шепнул Селиванов, протягивая Сёмко связку.

— Этих хватит! — ответил тот и обернувшись к Синёву произнёс — Добро командир!

Немецкий танк Т-2 выбрал очень удачную позицию, с одной стороны, он контролировал дорогу идущую среди непроходимого для танков леса, а с другой стороны он стоял так, что подкрасться к нему было не возможно и лишь только заснеженное поле была «дорога» к нему.

Танк был раскрашен в белый цвет и почти сливался с окружающей местностью, выделяясь только небольшим бугром, словно неубранный, стог, укрытый снегом.

— Так, немецкий средний танк Т-2, броня..., ну это мне не важно, я не артиллерист, пушка тоже, а вот пулемёт? Ага! Пулемёт единый МГ-34 калибр 7.92, гильза 57, 1200 метров, ого! Крадись к танку по заснеженному полю словно повторяя «уроки» Заева, шептал себе Сёмко. — Так уязвимые места... Стоп! Кажется заметил. Ага, гад! Перископами завращал! Ладно! Сектор обстрела 45°, значит мёртвая зона для пулемёта тут, тут и вон там! — намечал себе путь к проклятому танку Сёмко.

— Ту-ту-ту-ту-ту... — рывкнула очередь немецкого пулемёта. Словно снежная пыль ударила около головы Сёмко.

— Рано, рано, гад! — шептал ему Сёмко. — Вперёд! — скомандовал он сам себе.

Сёмко, метался из стороны в сторону перед пулемётом танка. Танк вращал башней, всё время пытаясь вывести пулемёт из мёртвой зоны обстрела, однако на шаг или два Сёмко всегда успевал опередить смертельную очередь, выпущенную в него из танка.

— А мы это проходили ещё до войны! — зло улыбался Сёмко, как бы дразня пулемётчика. — Ну, чего молчим? — шептал Сёмко, и тут же, словно слыша насмешки Сёмко, немец давал длинную очередь, пули веером крошили снег справа или слева от Сёмко, не задевая его, уходя в пустоту. Расстояние между ними сокращалось, этот поединок между танком и человеком с замиранием сердца разглядывали притаившиеся на окраине леса разведчики.

И вдруг когда уже до танка оставалось два или три броска, Сёмко, грянул выстрел!

— Ты что одурел! — рывкнул Синёв, хватая за винтовку, что держал Селиванов, через мгновенье в дали раздался грохот гранаты, ещё мгновенье автоматные очереди. Раскачиваясь всем телом от усталости и напряжения, к ним подошёл Сёмко.

— Молодца! Точно в окуляр! — выдохнул он.

— Неуж-то? — вскинул брови Синёв.

— Говорю, точно в окуляр! Танк «ослеп»! Спасибо конечно, но я бы и сам его, того! тяжело дыша говорил Сёмко.

— Селиванов! Три наряда вне очереди! — рывкнул Синёв.

— Нет командир! Выстрел шикарный! — шептал Сёмко.

— Тогда два! — цыкнул Синёв. — Не слышу?!

— Есть два наряда! — тихо ответил Селиванов...

Они шли уже не таясь по нейтральной территории, как говорят ничьей земле. Танк надрывая мотор, вязнул траками в снегу, приходилось петлять, но выбора пересечённая местность не оставляла.

— Ох и не лёгкая это работа, — из болота тащить бегемота! — пробивая и указывая путь танку шептал Коров. — И когда же мы притопаем, а там ещё свой, а Саша?

— Притопаем, притопаем! — разглядывал карту Синёв. — Да, крюк большой получается! — шептал он.

— О, а если б не Сёмко, то ещё больше! — в задумчивости шевелил бровями Коров, как вдруг!

— Бум! — где-то чуть впереди и справа, грянул залп! Башню их Т-3 объяло пламя.

— Что б тебя! — рывкнул Синёв.

Через минут пятнадцать подбежал Селиванов.

— Это наши! — крикнул он на ходу — Я им кричал и... а они! Ну, не стрелять же в них! — оправдывался он.

— Чуева! Чуева тащите! Да аккуратней же вы! — ревел Синёв. — Так! Сёмко! Ты с Селивановым! Быстро! — командовал Синёв...

— Да что же вы делаете, а? Вот снайперы! — орал Сёмко трясая лейтенанта-артиллерию за шинель.

— Да мы, да нас вчера... сюда! — оправдывался лейтенант. — А тут Т-3 прёт... ну мы и...

— Ты что же приказов не читаешь? — орал Сёмко.

— До нас ничего не доводили товарищ командир! — шептал растерявшийся лейтенант. — Мы немецких «охотников» ликвидируем!

— На поле, на поле лейтенант, догорает твой охотник! Чёрт бы тебя побрал! — шипел Сёмко...

— Ребята, донесите его, это приказ! — говорил Синёв танкистам. — Бегом марш! Диденко, Прохоров с ними! — командовал Синёв.

— А вы как же, товарищ командир? — удивился Диденко.

— Немца прихвати! — кивнул на связанного пленного Синёв. — Выполнять! — рывкнул он. — Эх, Чуев, Чуев! Жаль если не выживет! — вздохнул Синёв. — Вот чёрт! — и Синёв топнул ногой по белому рыхлому снегу.

— Ну командир и что дальше? — спросил его подошедший Сёмко.

— А ну, где твои артиллеристы? — вскинул голову Синёв.

— Да ты что, командир, не донесём всё равно-же! — и Сёмко посмотрел на «сани» с «Атлантом».

— А и не надо! — шептал Синёв. — Пусть охраняют! — улыбнулся он...

— Слушай меня лейтенант, если не хочешь угодить под трибунал, за срыв особо важного задания! Слушай меня внимательно! — командовал лейтенанту-артиллеристу Синёв. — Вот тут, в этой горе снега, закопаны особо важные документы! Себя не обнаруживать, сидеть тихо, если даже колонна немецких танков пойдёт на тебя! — ясно лейтенант?!

— Так точно товарищ командир!

— Будут штурмовать вас, отобьётесь, но документы сохраните, мы вернёмся за ними! Всё лейтенант удачи тебе! — и Синёв хлопнув его по плечу улыбнулся. — Всё! Остальным за мной, бегом арш! — крикнул Синёв...

1941 г. Москва 28 ноября, спец. база.

— Ну, а остальные где? Остальные? — читая отчёт об операции шептал генерал Абакумов.

— Ну я же написал, уничтожены огнём из огнемёта! — произнёс Синёв. — Согласно заданию «Атланты» ликвидированы, а труп одного из них доставлен в штаб армии! — недоумевал Синёв.

— Ты место, точное место ликвидации укажи! Синёв! Точное место! — шептал Абакумов...

— Сверил? Товарищ генерал? — спросил его Заев войдя в собственный кабинет.

Абакумов сидел за столом сверяя рапорта разведгруппы.

— Вроде всё сходится! — шептал он в задумчивости.

— Я Синёву верю, как самому себе! — чётко чеканил слова Заев.

— Да не кипятись, ты полковник! Я по-твоему, что же не верю, да только докладывать буду «Самому»! Ясно тебе Заев? — поднял на него глаза Абакумов.

— Ясно, товарищ генерал! Но одного-то всё-таки «принесли»! — напомнил Заев.

— Принесли, принесли Заев, принесли! — шептал генерал, читая в сотый раз отчёты разведгруппы.

— Ну и кто же они? — спросил его Заев.

— А это уже не наше дело полковник! — тихо произнёс Абакумов...

Берлин, 30 ноября, 1941 г.

— Ну что же, всё что можно мы сделали! С операцией, «Атланты», господа, покончено! Подытожил свою речь Ромель, хлопнув ладонью по кожаной чёрной папке с теснёй золотой свастикой. — Однако, отдыхать пока рано! Во-первых! — продолжал он. — Мы твёрдо уверены, что уничтожение «Атлантов», принадлежит группе Сёмко. Этот вывод позволяет сделать, тот профессионализм с которым проведена эта операция русских, и главное способ её осуществления, точнее один из её, инструментов — это огнемёт, именно Сёмко знал об этом способе, «укрощения Атлантов», плюс, ещё раз говорю, тот профессионализм операции!

— Ну господин Ромель, это не аргумент! — возразил Скорцени. — Он мог рассказать о своих знаниях руководству развед. штаба, те могли натаскать новых специалистов и так до бесконечности.

— Ошибаетесь, ошибаетесь дорогой друг! — с улыбкой произнёс Канарис. — Вот послушайте! — и адмирал прочитал ему донесение с района блокирования диверсантов «Нефтезавода». — Но и это ещё не всё! Отто! Усилив интонацию в голосе произнёс Канарис. — Это вот донесение офицеров полевой жандармерии, с разных участков прифронтовой полосы, в районе боевых действий на Украине. И если воедино соединить эти происшествия, по нападению на штабные машины и прочее с предполагаемой линией отхода вырвавшейся из окружения с «Нефтезавода» группой. То совершенно очевидно, это есть линия отхода предполагаемой группы к своим, через линию фронта, вот полюбуйте сами, Отто! Тут, тут, и вот в этом квадрате! Ну что теперь скажете? — улыбнулся Канарис. Затем, они выпадают из поля нашего зрения, и вот вновь они! Уничтожение «Атлантов»! Почерк, огнём и так далее!

— Да! Впечатляет господин Канарис! — вскинул голову Отто.

— На особо охраняемом объекте бывшей спец. базы, Атланты произошло ЧП, что возможно повлекло утечку информации! Это раз! Во-вторых, мы должны внушить Сталину, что нас интересует, «Шамбала»! И ничего иного, тем самым отвлечь возможное внимание разведки русских от вышеуказанного объекта, и главное Отто, вы в конце концов должны уничтожить эту группу, вдобавок всучив их разведке дезинформацию, детали операции вы получите позже, а пока ознакомьтесь с общей схемой предлагаемой нами операции под кодовым названием «Шамбала»!...

1941 г., 1 августа, территория бывшей спец базы Абвера

«Атланты»

— Послушай, Эрик, как сбежала от вас эта тварь?

Дитрих пристально рассматривал Эрика. — Ну? Я жду! Дитрих буквально сверлил его взглядом. — Вы офицер СС, упустили! — Дитрих никогда прежде не срывался на крик, он человек уравновешенный, отличавшийся тонкостью ума, не выдержал. Последние дни наложили на него отпечаток нервозности, переходящий в злость, от казалось-бы повседневной рутины. — Первые результаты! Первое, успешное, если хотите, творение! А вы?! Двадцать четыре часа! Слышите Эрик?! Двадцать четыре часа, даю вам на поиски! Дитрих хлопнул ладонью по столу.

— Хайль Гитлер! — вскинул руку Эрик развернувшись на каблуках пошёл к выходу, из огромного кабинета Дитриха.

— Чёрт знает что! — шепнул себе в сердцах Дитрих.

1941 г. 2 августа, Белоруссия, район бывшего гарнизона пограничного с Польшей, 9:00 утра.

— Ой, Мария Петровна, что и говорить, видать по всему, немцы в скорости возьмут и Москву и Ленинград! — шептала пожилая женщина лет шестидесяти, своей соседке шедшей вместе с ней полоскать бельё, неся его в огромной корзине, на мостик, что словно деревянные «волнорезы» входили в речушку.

— Ваш-то сынок Анна Ивановна тоже, и она посмотрела по сторонам, в Красной армии?

— Ну, а где же ему быть! — и Анна Ивановна с мокрыми от слёз глазами шёпотом добавила. — Может в плену или лагере ихнем! Прикрывая рот кончиками платка. Они расположились на деревянном мостике, что одним своим покосившимся краем едва касался воды.

— А слышала-ль Анна Ивановна, что дед Антип трезвонил? — спросила её Мария Петровна.

— Ой, он тебе наговорит, соседка! Самогонка-то она при любой власти одинаковая! Тю на него ответила Анна Ивановна, разворачивая бельё.

— А ты послушай! — не унималась Мария Петровна — Немцы в речку нашу, толи рыбу каку диковинну выпустили, али ещё что! Дед Антип на днях рыбачить ходил.

— Ага, на самогон заработать! — перебила её Анна Ивановна.

— Нет, ты уж дослушай! Так вот та рыбина все сети ему разгрызла, и он говорил, что чуть лодку не перевернула, утащив его окаянного на дно! — закончила свой рассказ Мария Петровна.

— Он тебе с пьяна того... — Анна Ивановна застыла от ужаса, оборвав себя на полуслове.

Неожиданно покатила вздыбившаяся волна, словно хребет огромного чудовища.

— Эй соседка, чё замолкла-то? Произнесла Мария Петровна, но тут она увидела такое!

Мимо мостика, где они полоскали бельё, пронеслась огромная волна и из воды около берега на сушу выходило нечто невообразимое! Это был совершенно голый человек, мужчина, но кожа его была совершенно белая! Бледная! Настолько прозрачная, что можно было разглядеть, казалось, биение сердца! Тина свисала с его головы и плечей, в зубах он держал большую рыбину, обхватив её с обеих сторон руками.

— А! А! А! с диким криком бросив бельё, забыв про соседку, Мария Петровна опрометью кинулась в село, размахивая руками, дико крича от ужаса...

... «Они» указали нам перстом на камни способные уничтожить мир. О, если вы соединив их, хотя мгновение удержите панцирем, что скуют ваши кузницы, мор и болезнь укроют землю, реки превратятся в кипящие котлы, а горы рухнут словно песок, и все увидят зарево подобное свету солнца, но пепел сотворенный из человеческих тел сим заревом, уже не расскажет прочим, и чёрный столб подымется к землям, укрыв собою вершины самых высоких гор, не щадя бездны облаков! И наступит холод смерти! Лето узнает зиму...

Дитрих отбросил на стол пенсне. — Чушь какая-то! Ничего не понимаю! Тоже мне тайные свитки? Пто-ле-мей! — протянул Дитрих. — Истинно кровавые свитки смерти, ибо сколько людей погибло в поисках сего! Я и сам заговорил загадками! Чертовщина какая-то! Недовольно шептал Дитрих, силясь понять смысл прочитанного. От набежавших мыслей его отвлек звук звонящего телефона, он поднял трубку. — Здесь Дитрих! Что? В районе реки «Белая»? Послушайте Эрик берите катера, ставьте сети, делайте что хотите, хоть осушайте её! Мне безразлично, мне нужен только результат! Действуйте! Хайль! — Дитрих положил трубку на аппарат спец. связи. — Чёрт! — выругался он.

К вечеру того-же дня в кабинет Дитриха постучал лейтенант С.С. Эрик Краузе.

— Разрешите, господин полковник!

— Что у вас, Эрик? — не отрываясь от бумаг произнёс Дитрих.

— Ваше приказание выполнено, господин полковник! — отчеканил он.

— Моё приказание? Это не моё приказание Краузе, слышите вы? Это ваша обязанность лейтенант! — повысил голос Дитрих. — Далее, Эрик! Произнес он.

— Беглец доставлен! Я жду дальнейших указаний, господин полковник!

Дитрих поднял телефонную трубку. — Здесь Дитрих! Произнёс он. — Клауса! Да? Отлично, я жду! — Здравствуйте доктор! Нет! Нет, доставлен! Вот как? Удивлённо произнёс Дитрих. — Ну хорошо! Да, да, до вечера, господин доктор! Непременно! Он с улыбкой положил трубку. — Слушайте Эрик, эта никчёмная дрянь, принесла нам сотню треволнений, так что заройте её, где-нибудь в лесу, и постарайтесь не упустить его вновь лейтенант! — повысил голос Дитрих.

— Хайль Гитлер! — произнёс Краузе, выйдя вон.

— Вот чёрт! Из-за этой дряни столько нервов! — шепнул себе под нос Дитрих.

1941 г. 10 августа. Польша, спец. база „Атланты“

— Здравствуйте, дружище Руни! Как поживаете, я слышал о вас там в Берлине ходят легенды, как о выдающимся физике! О нет, нет, зачем такая скромность Руни, я помню вас ещё по университету, и я всегда говорил что вы будущие светила мировой науки! Послушайте, дружище, а что если вы приедете, ну скажем на отпуск в Варшаву? Мы бы с вами, — так категорично?! Ну хорошо быть может вас, Руни, устроит Дрезден? А? Ну вот и отлично, дорогой друг, мне нужно с вами посоветоваться! Да? Ну спасибо, я просто счастлив! До встречи, мой друг! — и Дитрих положил трубку на аппарат.

— Чёрт его знает! — размышлял он. — Руни всегда был сообразительный мальчик, может быть он что-то подскажет?

1941 г. Мюнхен, 20 августа.

Летним вечером, скорее похожим на осенний, из-за надоевшего моросящего дождя, двое элегантно одетых мужчин прогуливались по Кайзерштрассе, они свернули на площадь, что бы посетить старинное уютное кафе, знакомое им ещё со студенческих времён.

— Так значит вы вплотную занимаетесь созданием оружия способного...!

— Дитрих! — перебил его Руни. — Я и так сказал вам слишком много! Ответил собеседник и если бы, ваш чин С.С. и не наше давнее знакомство, я бы вовсе избежал нашей встречи! Дорогой друг! Тихо ответил Руни.

— Ну хорошо, хорошо, дружище! Меня интересует смысл вот такого вот рассказа? — шепнул Дитрих.

Руни поднял на него удивлённый взгляд.

— Вы знаете Дитрих, я физик, но никак не литератор! Улыбнулся он.

— И всё же Руни!? — настойчиво произнёс Дитрих. — Предположим, только предположим Руни, что если два камня соединить вместе, и вдобавок ну скажем опустить их в железную колбу, при этом сжать их между собой, удерживая силой стенки колбы, что бы это могло значить, для процесса разрушения, например?

— Послушайте Дитрих, это несусветная чушь! — шептал Руни.

— Нет, ну а всё же, не торопитесь с ответом, дорогой друг! — настаивал Дитрих. — и он начал снова — мы берём два камня, или два элемента, сжимаем их.

— О, Боже мой, Дитрих! — улыбнулся Руни. — Ну с этого надо было бы и начинать! — Руни продолжил. — Мы берём два изотопа урана с критической массой 235, сжимаем их между собой и начинается цепная реакция! Тоже мне тайна. Цепная реакция идёт с невероятным выделением энергии способной сокрушить горы! — подытожил Руни.

— Вот-вот горы, Руни, именно горы! — шепнул Дитрих.

— Тоже мне тайны мадридского двора! — улыбнулся физик. — Эти опыты ставили ещё в 1903 г. супруги Склодовские-Кюри! Надо было на лекциях не спать, дорогой Дитрих! — назидательно сказал Руни.

— Так в чём же проблема, дорогой друг? — удивился Дитрих.

— А проблема в том, что удержать эти куски урана не под силу ни одному известному металлу на земле, Дитрих! Произнес несколько печально Руни — чтобы начать такую реакцию их надо удержать хотя-бы..., но это невозможно, тем более в железной, как вы говорите, колбе!

— Поймите, поймите Руни! Если я вас правильно понимаю, то выходит следующее, ну хотя-бы в теории, если взять два камня, сложить их вместе, я имею в виду уран с критической массой, 235, поместить их в оболочку из стали, и начавшаяся реакция выделит дикуую энергию, способную разрушить горы! И вызвать мор среди живого?

— Ну пофантазировать, это теоретически так, только вот насчёт мора, я не в курсе, я физик, а не медик, Дитрих! Улыбнулся Руни. Кстати, Дитрих, вы что же стали читать научные статьи в области квантовой физики? Продолжая улыбаться произнёс Руни.

— Именно так, именно! — серьёзно ответил Дитрих.

— Но эти статьи печатались в журнале „Сойнтис“ в отделе рубрики „Новейшие исследования“, что-то не похоже, чтобы эти знания устарели, мой друг! — шепнул ему Руни.

— Да, они несколько раньше печатались по времени, дорогой Руни! С улыбкой ответил Дитрих.

— Наверное год эдак 1903 или даже 1901? — улыбаясь спросил Руни.

— 300 г до Р.Х, дорогой господин физик! — победоносно произнёс Дитрих.

Руни встал на месте, как вкопанный, минуту соображая, оценивая слова Дитриха.

— Позвольте, как вы сказали?

— Вы не ослышались, моим статьям, более двух тысяч лет, дорогой мой квантовый физик!

— Этого не может быть! Вы... вас обманули! Вы с ума сошли Дитрих! — вскрикнул Руни.

— Отнюдь! Отнюдь! Мой дорогой друг! — улыбнулся Дитрих.

— Но позвольте, это же схема создания атомного оружия! Вы отдаете себе отчёт? — уже перешёл на крик Руни.

— Тише, тише дружище, на нас уже обращают внимание! — шептал Дитрих, беря профессора физики за локоть. Уют кафе, отличный ужин, выпитое пиво, слегка охладило пыл профессора физики.

— Послушайте, дорогой друг, я не хотел-бы портить наши отношения, но... тут профессор чуть замялся, ища подходящие слова. — А не провокация ли это, или проверка моей надежности в отношении Рейха? Шепнул он.

— Глупости Руни! Мы же с вами друзья, не так ли? Серьезно ответил Дитрих.

— Проблема в том, Дитрих, что мы не можем с помощью оболочки сдержать цепную реакцию, или мы идем не тем путём, или в ваших рукописях что-то пропущено! С акцентом на последние слова произнёс Руни.

Он, что говорится, зрит в корень! Подумал Дитрих, но вслух сказал – Это не исключено Руни! И знаете что, все-таки нам с вами придется встретится еще раз и обсудить проблему Руни! Добавил неожиданно Дитрих.

1941 г. Берлин, 22 августа. Приёмная Канариса.

— Вы с ума сошли Дитрих! — буквально срывался на крик Канарис. Кто дал вам право? Чёрт бы вас побрал!

— Но господин адмирал, я знаю Руни очень давно, и потом его труды в области...

— Не смей! Не смей! Вы слышите Дитрих? Это сверхсекретная информация, вы работаете в сверх охраняемом объекте! Вы отдаёте себе отчёт? — ревел Канарис. — Поезжайте немедленно к себе, и ждите визита руководства! Всё, Дитрих! Всё на этом! Адмирал встал, давая понять, что разговор окончен.

— Чёрт знает что! — выдохнул он, когда Дитрих покинул кабинет. — Разыщите Ромеля! — Нет! Срочно! — произнёс Канарис в трубку.

Через час вошедший в приёмную адъютант доложил, что Ромель ожидает адмирала у себя, и что машина у подъезда...

— Ну что случилось, дорогой Канарис? Что с вами? На вас лица нет? Ромель вышел на встречу из-за стола и протянул руку вошедшему адмиралу. — Садитесь, мой друг! — предложил он. — Дорогой адмирал! Успокойтесь! Эти свитки переданы ему для ознакомления и для успешного хода экспериментов, не более! Ко всему текст их не полный! — произнёс Ромель.

— Что? выкрикнул от неожиданности Канарис. — А у кого-же полный?

— К сожалению или радости, дорогой мой, это мы и должны с вами узнать!

— Как? Неужели? Не может быть? — удивлялся адмирал.

— Двадцать пятого числа в 14⁰⁰, я ожидаю вас в своём особняке, и мы обсудим эту проблему, но Дитрих пусть вернувшись на базу, займётся только влиянием магнитных полей, не более! — подытожил Ромель...

1941 г. Польша, спец. база. 1 сентября

Дитрих в сопровождении майора Клосса, находился в расположении спец.базы, в подавленном настроении.

— Инициатива наказуема! — носилось у него в голове. — Да ещё и этот идиот Клосс! Чёрт бы его побрал! — печально думал он, разглядывая в окно унылый осенний пейзаж утреннего леса. — Послушайте Клосс! — громко произнёс Дитрих, глядя в окно. — А вы любите охоту?

— Господин полковник, смею вам заметить, что сейчас война и не до развлечений истинным патриотам Германии! — тихо произнёс Клосс.

— Вот как? Значит, по-вашему, Геринг, не является патриотом Германии, отдыхая от дел Рейха в охотничьем угодии поместья Карлсбор? — с сарказмом заметил Дитрих.

— Ну это вожди Рейха, а мы то с вами, всего лишь солдаты, дорогой друг! Примирительно ответил ему Клосс.

— Да, вы правы! — заметил Дитрих, снова уставившись в окно...

Клосс, казалось приехал с инспекцией, он заглядывал в каждый закуток спец. базы, что-то записывал, покачиваясь во весь рост, строя недовольную гримасу.

— Ну, а вот этот блок господин Клаус? Глядя куда-то в сторону шептал он.

— Согласно разработанной нами программой, здесь, на территории базы существуют три спец. блока! Первый, — это люди чьи религиозные убеждения не подвергаются сомнению, с точки зрения их верования, ну например „православные“! Здесь собраны священники из числа репрессированных, но не отказавшихся от своих убеждений, и так же не ушедшие со служения во времена советской власти.

— Извините, Клаус! — перебил его майор Клосс. — Но кто-же, если можно так выразиться проверял их убеждения?

— Этим занимается полковник Дитрих, имея на руках личные дела репрессированных священнослужителей, плюс ко всему, личные беседы с каждым испытуемым, в отдельности! — подытожил Клаус.

— Очень хорошо! Благодарю вас, доктор Клаус, это очень убедительно! — хитро щуря глаза произнёс Клосс.

— Далее! — повысил голос Клаус. — Вот в этом блоке содержатся, так называемые ведуньи, колдуны. Отобранные которые, отрицают основы православия и христианства в целом! Это язычники до христианской веры. Лечение травами, заговорами, колдовством и так далее! Каждого из них мы проверяем, а именно проверяем их умение врачевать травами, а в области мистики это „заговоры“. Здесь собраны, если можно так сказать, честные труженики колдовства и ведовства! Всё проверяем и апробируем, дорогой майор. Идёмте далее! — продолжил Клаус. — А вот тут мы содержим коммунистов, прошедших строгий отбор. Именно, именно майор! — подчеркнул свою мысль, доктор Клаус. — Это не те коммунисты, что поднимают руку на парт. собраниях, о нет! Это настоящие фанаты! Их очень тщательно проверял Дитрих, это можно сказать служители материализма! Кстати, ко многим применяли третью или даже четвертую степень устрашения, они с честью вынесли эти испытания!

— Если конечно выжили, дорогой Клаус! — съязвил майор Клосс. — Ну а тут? — любопытствовал майор.

— Это спец. лаборатория с прилегающим к нему полигоном. Здесь содержатся человеческий «вид». То есть, люди 20–25 лет, имеющие отличное здоровье, нормальное телосложение, устойчивую психику и...

— Послушайте, доктор, кто поставляет вам этот с позволения сказать материал? — пристально взглянув в глаза Клауса, вскинув голову, произнёс майор Клосс.

— Есть у нас помощник в Минской области, некий Костя «Хрипой», уголовник, заключённый бывшего лагеря Н.К.В.Д.

— О! удивился Клосс.

— Именно так! Добавил Клаус. Идёмте майор! Вежливо пригласил его доктор...

— Но господин Канарис, на кой извините черт, он тут нужен? Возмущался полковник Дитрих, имея дружеский тон в разговоре с руководством, по телефону спецсвязи.

— Не стоит так волноваться, дорогой друг, он лишь связной, или проще сказать курьер с особыми полномочиями между вами и господином „Учителем“! Тихим тоном ответил ему Канарис.

— Учитель? — так называли Теслу, присвоив ему это кодовое имя. Однако Дитрих имел о нём лишь очень отдалённые познания, и чаще всего говорил о нём так: — О, этот загадочный господин „Учитель“...

1941 г. „Эксперименты Клауса“

Клаус, задумчиво глядя в свои записи, корпел над результатами, анализов в своём кабинете, в дверь постучали.

— Войдите! — произнёс он, не отрываясь от чтения. — Ну доктор, вы прямо-таки заработались! — с улыбкой произнёс Дитрих, входя в кабинет.

— Дитрих! Что-то случилось? — спросил Клаус, отрываясь на секунду от чтения.

— Нет, просто я хотел предложить вам, дорогой друг, выпить чашечку кофе! — улыбнулся он.

— И конечно поговорить о результатах опытов! Не так-ли Дитрих? — шепнул ему доктор.

— Ну, если позволите! ответил Дитрих.

— Ну что-же, не будем терять время! — произнёс Клаус. — И так! Повысив голос начал он. — Опыты с магическими камнями, так я называю осколки сбоя камня от панциря черепахи, при введении их в желудок исходного материала, ничего не дали, ничего! Конечно, нужен

и важен фактор времени, но анализы показали, что нет не малейших изменений в организме „материала“, Дитрих! — словно профессор своему лучшему ученику пояснял суть эксперимента Клаус. — Пойдём далее, вживление выше означенного камня в кору головного мозга, так-же результатов не дали, то есть я имею в виду положительных результатов, а именно идёт процесс отторжения, с последующим летальным исходом материала! — констатировал Клаус.

— Но позвольте? — возмутился Дитрих. — Пять тысяч лет назад не происходило отторжение, а теперь происходит! — заметил полковник.

— Послушайте дорогой друг! Я врач, а не мистик! — жёстко произнёс в ответ Клаус. — Но вот опыты с магнитной пушкой, превзошли все мои ожидания! Улыбнулся Клаус.

— И поэтому вы расстреляли «рыбу-беглеца»! иронично заметил Дитрих.

— Это брак, не нужный брак, как, впрочем, и в любом деле! С вызовом произнес Клаус — Идёмте! Клаус вскочил со стула, взяв Дитриха за локоть, увлекая за собой...

— Квацис, моцис... Шикула, ликула!

— Что это она? с удивлением и неким испугом смотрел Дитрих за пуленепробиваемое стекло, где в комнате стены которой были обшиты резиной, ходила женщина лет сорока, и во весь голос произносила некие фразы — Квацис, моцис! Буквально ревела она, ногтями пытаясь расцарапать стекло, отделявшее её от наблюдателей. Её голос, который звучал с невероятной силой пробивался даже сквозь толщину стен. Вид её был ужасен, невероятные глубокие морщины покрывали её лоб, кожа по щекам обвисла, висела на скулах большими складками, волосы были словно скручены очень мелкими завитками, но самое страшное это были глаза, с огненно-красными белками.

— Клаус! — прошептал Дитрих. — Почему у неё глаза красные?

— О, это естественно, после такого напряжения, что испытывает её мозг и тело, сосуды полопались! Тихо произнёс доктор. — Но чудо, Дитрих, отнюдь не в цвете глаз, — чётко произнёс Клаус. — Вы слышите, что она кричит?

— Да! Но я ничего не понимаю! — широко раскрыв глаза рассматривая женщину прошептал Дитрих.

— А жаль! Жаль! Потому что первые её фразы — это латынь, а вот вторые фразы — «языческое заклинание» древнеславянских колдунов.

— Что? — удивился Дитрих.

— О, подождите удивляться, мой друг, это ещё не всё! Прислушайтесь, — ну прислушайтесь!

Дитрих напряг слух, женщина выставив вперёд окровавленный палец, с содранным ногтем вдруг тихо, но очень, очень тонко произнесла — Там! Там! Там! Там! Клаус рванулся к двери закрывающую смотровую комнату от коридора, широко распахнул её, буквально в метре к дверям подходил дежурный меняя постового.

— Видите? Видите? — ликовал доктор.

— Невероятно, она что-же видит сквозь стены? — удивился Дитрих. — Или может быть знает график смены часовых?

— Нет Дитрих нет! Я приказал менять смены произвольно! — шептал Клаус рассматривая женщину.

— Ну а латынь? — произнёс Дитрих.

— О, латынь, да в том то и дело, что этой идейной комсомолочке, с трудом далась грамматика русского языка! — Дитрих? — улыбнулся Клаус.

— Как? Она полуграмотна? — ещё более изумился полковник.

— Вот именно, дорогой друг! — кивнул головой Клаус.

— Но почему вы говорите, что она комсомолка, ведь на сколько я вижу её лет сорок и...

— Двадцать, Дитрих, двадцать! — утвердительно произнёс Клаус. — А это? — он показал на её внешний вид. — Последствие «обстрела» магнитной пушки, — добавил доктор.

Кстати с «Беглецом» мы немного переусердствовали Дитрих, и вы стали называть его «рыбой»! — улыбнулся Клаус.

— Завтра прибывают сюда специалисты из Берлина, мы можем начинать монтаж полигона и увеличение мощности магнитной установки, Клаус! — произнёс Дитрих. Клаус вскинул на него испытывающий взгляд.

— Что-то не так? — добавил полковник.

— Помниться мне, вы говорили, что-то о кофе, не так-ли, дорогой друг? — ответил Клаус.

1941 г. Польша. Спец. база. 28 сентября

— Ну что же прекрасно, Дитрих! Назовём эту дорогу рельсы счастья, — улыбался Клаус.

— Вы становитесь невероятным циником доктор! — покачивая головой сказал полковник, глядя на пробные пуски капсулы по железнодорожным рельсам, от системы узкоколейных дорог. Суть эксперимента состояла в следующем. На уложенных пятидесяти метрах железнодорожного полотна с обоих её концов ставились обмотки огромного кольца электромагнита, получалось нечто вроде ж/д с началом похожее на тоннель, и с аналогичным тоннелем в конце. Испытуемого сажали в ящик подобную вагонетку и поочередно включали электромагнит. Капсула вырывалась с невероятной скоростью из одного «тоннеля» и буквально влетала в другой. В тот в котором создавалось дикое по своей силе магнитное поле, способное затянуть в своё чрево лёгкий танк. Понятно, что немецкие механики фирмы «Хенкель» потрудились на славу, что бы снизить трение, придать вагонетке форму капсулы в конце концов тормозное устройство, что бы на конечной точке своего полёта, а это по скорости был именно полёт, не причинить вреда, «пилоту». Хотя если честно, кто о нём думал!? Казалось, что может быть проще? Полёт в магнитном поле, но «пилот» по выходу с капсулы вел себя не адекватно. Если первые «пилоты» просто умирали с начала от перегрузки при торможении, сердце не выдерживало перегрузок в 12 G. То выжившие в новой технически более совершенной капсуле, несли такое?! Во-первых, часы испытуемых, все не работали в момент пуска напряжения, создающего магнитное поле, но самое удивительное, что спустя примерно сорок минут, механизм часов словно оживал. Но и это ещё не всё, самое интересное то, что изолировать часы было бесполезно! И что уж совсем не поддавалось научному объяснению, так то, что специально был изготовлен деревянный механизм часов, рассчитанный на два часа работы, в виду хрупкости материала, но и они каким-то неведомым образом, отказывались работать наотрез! Словно повинаясь единому ритму часовых механизмов своих металлических собратьев, так же запускали свой ход через сорок минут. Но еще более невероятное творилось с «пилотами»!

— Странное дело господин Клаус, — спираль электронагревателя давно вышла из строя, а вы ругаете не в чём не повинного электрика! Гневно заявил один из «пилотов» по выходу из капсулы, обращаясь к доктору. Тот побледнел, ведь именно Клаус сам однажды решил от скуки починить спираль электронагревателя для кипячения медицинских инструментов, конечно всё испортил, но всё-таки свалил вину на электрика. Но самое страшное было то, что эту фразу на чистейшем немецком языке, произнёс малограмотный красноармеец, родом от куда-то из Сибири! Даже Дитрих заморгал глазами, от удивления — Боже мой! шептал он. Однако этот здоровенный, дылда лет двадцати двух, через пять минут, после сказанного упал замертво, склонившийся Клаус нащупал на его шее пульс, но выпрямившись покачал головой — всё!

— Следующий! приказал Дитрих.

Они отдали приказ инженерам, копошившимся у аппарата, снизить скорость капсулы и вновь неудача — пилот погиб. Хотя казалось скорость была ниже предыдущего эксперимента.

— Следующий!

Дитрих жаждал результата, он был неумолим, в нём словно проснулся дьявольский азарт. Удивительно, чем выше была скорость капсулы, тем живее, если можно так выразиться оставались пилоты.

— Эврика! буквально заревел один из инженеров, обслуживающих аппарат.

Они убрали систему торможения, пуская капсулу по кругу, уложив ещё и ещё рельсы, магниты пропускали через своё чрево капсулу с невероятной скоростью, та устремлённая словно шар по желобу, носилась по кругу и только изменяя полярность магнитов, останавливалась. О! Что творилось с пилотами! Кто-то из них начинал складывать и умножать шестизначные числа, кто-то писал музыку с потрясающим знанием нот, но вот рассказ третьего и четвертого пилотов поверг Дитриха в шок, во-первых, они говорили явно не своим голосом, во-вторых, они с лёгкостью рассказывали то, за что расстреляли бы даже Дитриха, узнай о том служба безопасности СД. Дитрих так растерялся, что сначала не выпускал пилота из кабинета, но потом взяв себя в руки, попросту изолировал его, поместив в отдельный бокс. — Ужас! Шептал вспотевший Дитрих трясущимися пальцами набирая номер телефона спец. связи, требуя Берлин...

Рассказ четвертого „пилота“

Срочно прилетевший из Берлина Канарис, сидел в кабинете Дитриха, без единой капли крови в коже лица, покачивая ботинком, казалось равнодушно разглядывал до блеска начищенный носок, но неожиданно спросил Дитриха — может чашечку кофе?

Сидевший, до селе тихо в углу кабинета „пилот“ оживился и произнес — „Но господин Канарис, вам же запретили доктора кофе категорически, и вы же дали слово Ромелю беречь себя, вы же поднимали левую руку, пусть в шутку, сказали — „Клянусь!“ Да, более того кофе у них отмененный, вот только зёрна они пережаривают и от этого он слегка горчит“, — закончил он.

Канарис поднял взгляд, на Дитриха, тот вытирал платком пот со лба — ну и что же ещё, вы знаете, дорогой мой друг? вновь устремил на „пилота“ взгляд Канарис.

— Ваше наступление десятого октября провалится, хотя вы и перебросите танки фон Лейба под Москву, да в сущности вы же не хотите признать, Жрецов! я не имею в виду вас лично адмирал! вымолвил, „пилот“ и прикрывая глаза стал валиться на левый бок.

— Что с ним? — вскрикнул Канарис — Клаус! Клаус! Где вы ходите?

— Ничего страшного это обморок, обычно две-три минуты, потом Клаус выводит его...

— Что?! — вскрикнул вбежавший в кабинет Клаус. — Вот чёрт, выдохнул он...

— Так! Я немедленно вылетаю в Берлин, Дитрих, все работы по этому проекту временно приостановить, обеспечить полную, полную изоляцию „пилотов“. Отвечаете за изоляцию, вы лично Дитрих! Всё, до свидание! Не глядя в сторону Дитриха, Канарис небрежно козырнув, сел в ожидавшую его служебную машину с эскортом.

— Ну и дела Дитрих! — улыбнулся Клаус.

— Ты слышишь, что несёт этот „пилот“?

— А, заметно? шепнул доктор.

— Вы с ума сошли Клаус! Вас точно расстреляют!

— Нас всех когда-нибудь расстреляют, господин полковник, идёмте послушайте его бред! шепнул доктор...

— Скажите, доктор, друг тихо сказал Дитрих „пилоту“ лежавшему на кушетке в медицинском боксе, после того как Клаус уколол его какой-то ерундой, из своей мед. аптечки — как вы читаете мысли собеседника?

— Я словно нитью связываюсь с ионосферой или как часто говорится ноосферой, как хотите! шептал он в ответ еле дыша.

— Это огромное энергетическое поле? И вы его видите? спросил Дитрих

— Вижу, но очень, очень призрачно, словно бы облако, но чуть иного цвета, точнее цветов, где красноватое, где зеленоватое, а где и вовсе с чёрно-жёлтым оттенком — Рыбы! Рыбы! вдруг заревел „пилот“, вы что же не видите их? Вот же они! Он хватал руками воздух стараясь разорвать его, отмахивался от чего-то, и это что-то видимо атакуя его, причиняло невыносимую боль. Этот театр невидимой борьбы был так реален, что Дитрих встал со стула, словно вышел из зоны атаки призрачных рыб и умирающего пилота.

Через два дня без дополнительных сообщений, на базу прибыл эскорт. Высшие чины С.С. буквально заглядывали в каждый угол базы, Дитрих почувствовал себя не уютно. Высокий, статный господин в штатском, преследовал словно тень в отделение лабораторий, инженерного состава. Туда же были доставлены ящики со спец. оборудованием. База словно замерла в ожидании чего-то невообразимого и очень секретного.

— Ну что-же Канарис, первая часть наших экспериментов ничего не дала, но как известно отрицательный результат, тоже результат! — произнёс Тесла.

— О, вы не правы, дорогой друг, то что поведал мне испытуемый, это сверх результат! — произнёс в ответ адмирал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.